

Ольга Кунавина

НЕЯСНЫЕ ЧАСЫ

Ольга Кунавина

Неясные часы

«Автор»

2023

Кунавина О.

Неясные часы / О. Кунавина — «Автор», 2023

Что делать, если вы купили квартиру с привидением, да не с одним, а с тремя, или неожиданно стали обладателем очень ценной картины? Правда, тот, кто ее подарил, вам не друг и не приятель, а близкий родственник жестокого убийцы. Герои рассказов, составляющих сборник «Неясные часы», соприкасаются не только с представителями потустороннего мира, но и с загадочными проявлениями человеческой психики, которые могут таить большие неожиданности. И неизвестно, кто окажется страшнее: призрак или реальный человек, живущий по соседству.

© Кунавина О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Чаепитие	5
Вилла в горах	17
Страсть	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Кунавина

Неясные часы

Чаепитие

*В жемчужных отблесках прекрасная Каменя...
Пусть образ тайной неразгаданной увит -
В ней кто-то видит нежный профиль Галатеи,
А кто-то омут чар губительных Лилит...¹*

Красивые строки, не правда ли? Я работала по заказу издательства над книгой о камнях. Близился срок ее сдачи, и мною были описаны все сколько-нибудь значимые коллекции гемм, имеющиеся в России, от Эрмитажа до калининградского Музея Мирового океана, однако я все никак не могла закончить рукопись. Мне казалось, что ей чего-то недостает, еще одной главы, что ли.

Неожиданно позвонила Алиса, мой литературный агент, и сообщила, что одному музею неким лицом передано в дар уникальное собрание камней и инталий². Это известие меня заинтересовало – не так уж часто в наше время музеям дарят по-настоящему ценные вещи. Мне захотелось познакомиться с коллекцией и с ее бывшим хозяином. Прежде чем купить билет на поезд, я решила забронировать номер в гостинице, которую мне порекомендовала Алиса. Было опасение, что свободных мест в ней не окажется, ведь стояло лето, а город, в который я направлялась, располагался на берегу моря, но, к моей радости, номер для меня нашелся.

Накануне моего приезда прошел шторм, и поэтому на побережье было довольно прохладно, что не могло не обрадовать меня, так как я с трудом переносила жару. Гостиница, где я собиралась поселиться, тоже не разочаровала меня ни своим месторасположением (она находилась в довольно тихом уголке, удаленном от набережной), ни теми услугами, которые она предлагала своим постояльцам. Меня встретили поздно ночью на вокзале и вместе с багажом препроводили прямо до входных дверей. К моему восторгу, номер оказался чудесным, с небольшим балкончиком, выходившим на море.

Утром я отправилась в краеведческий музей, где тоже не испытала разочарования: как заверили меня сотрудники музея, занимавшиеся составлением передачи, коллекция оказалась действительно прекрасной и включала в себя редкие экземпляры, выполненные зарубежными и русскими мастерами восемнадцатого-девятнадцатого веков. Оставалось подождать пару дней до окончания оформления, и тогда я своими глазами смогла бы увидеть это собрание и даже подержать его в руках. Эти два дня я решила потратить на хозяина драгоценных гемм (им оказался местный житель), чтобы поподробнее узнать о его сокровище и о том, что подтолкнуло его на такой благородный поступок. Сотрудники музея были столь любезны, что дали мне его телефон, и я, дозвонившись до него, договорилась о встрече на завтрашний полдень.

Возвращаясь из музея в гостиницу, я прошла через всю набережную и в самом ее конце, на открытой террасе одного из кафе, с удовольствием выпила чашку кофе, приготовленного по-восточному. Было очень тихо, лишь только слышался шум волн, набегавших на берег и гулко обрушивавшихся на мелкую гальку. Я сидела и смотрела то на море, то на небо, в котором были перемешаны все оттенки синего, серого и жемчужного, бесцельно вглядываясь вдаль и ни о чем не думая. В таком расслабленном состоянии я вернулась в свой номер.

¹ Марина Кауханен «Из камня лунного...»

² Инталия – резной камень (гемма) с углубленным изображением.

Перед сном я всегда читаю, поэтому с книгой в руках, как обычно, я прилегла на кровать, но через некоторое время почувствовала, что у меня неудержимо слипаются глаза. «Здесьний воздух так действует на приезжающих, что они первые дни сонные ходят и спят до обеда», – вспомнились мне слова хозяйки гостиницы, с которой я познакомилась в гостиничном холле.

Я положила книгу на прикроватную тумбочку и обвела взглядом свой номер. В светлых пастельных тонах и довольно просторный, он мне очень нравился.

Взгляд мой остановился на противоположной стене: там висела большая черно-белая фотография, единственное украшение номера, не считая двух медных бра над кроватью. Почему-то на это фото я не обратила внимания, когда обживала свой номер. Я встала с кровати и подошла ближе, чтобы лучше рассмотреть фотографию. На ней была снята группа молодых людей, расположившихся за круглым столом, покрытым белой скатертью и уставленным чайной посудой. В правом нижнем углу снимка стояли цифры: 1916.

Это был довольно оригинальный снимок. Люди были не просто сфотографированы. Они с неподдельным интересом взирали на меня с фотографии. Их было шестеро. Две барышни и четыре молодых человека. У девушки, сидевшей за столом слева и одетой в черное платье, ворот платья украшала брошь-камея. «Затянутая в черный шелк, с крупным овалом камеи у пояса, выплывала Ахматова», – невольно вспомнились мне слова Бенедикта Лившица, процитированные в моей предыдущей книге: она была посвящена украшениям, которые носили в эпоху Серебряного века. Эту девушку тоже можно было назвать поэтической особой. Ее пепельные волосы мягкими волнами обрамляли лицо с большими темными глазами, а на красивых чувственных губах сыла слабая полуулыбка.

Вторая барышня, улыбавшаяся более радостно, сидела за столом по другую сторону от девушки в черном платье и была одета в белую блузку и светлую юбку с вышитым узором по подолу. Украшений на ней не было, зато у нее было круглое лицо с ямочками на щеках и коротко стриженные пышные белокурые волосы. «Довольно смелая прическа для того времени», – подумала я.

Что касается мужчин, то, несомненно, это были снобы. Они были одеты в серые костюмы с жилетами, белоснежные рубашки и галстуки. По тогдашней моде их волосы были тщательно разделены пробором, а лица украшали ухоженные усы и маленькие аккуратные бородки. Правда, внешность одного из молодых людей, единственного кто не сидел за столом, а стоял, разглядеть было невозможно, так как в момент фотографирования его то ли окликнули, то ли он сам отвлекся на что-то, повернув голову.

«Какая замечательная компания, – улыбнулась я. – Было бы здорово оказаться в ней». Мне всегда нравились подобные фотографии, вроде тех, что делали когда-то Бахрушин, Наппельбаум или Эберлинг. Их снимки отличает какая-то особая притягательность.

Я вернулась к кровати, легла и выключила свет. «Спать сегодня, наверное, буду без задних ног», – подумала я, закрывая глаза.

Действительно, сон пришел ко мне сразу. Сначала мне снились липовые аллеи, поляны с красивыми, просто сказочными цветами, вроде тех, что встречаются в моем любимом мультфильме «Тайна третьей планеты». Затем я увидела кусты сочной зелени, возле которой стояли какие-то мужчины и о чем-то оживленно разговаривали. Одеты они были так, как одевались в начале прошлого века. Подстегиваемая любопытством, я медленно подошла к ним. Они стояли полукругом и смотрели на то, что лежало перед ними на траве. Слева от них суеился фотограф с громоздким фотоаппаратом на треноге. Время от времени раздавались вспышки. Я встала на цыпочки, заглянула через чье-то плечо и...вскрикнула. Там, на траве, лежала я, вернее, мое тело. Причем я сразу же поняла, что мертва, так как из моей груди торчала длинная рукоятка ножа, а в левом уголке рта застыла струйка крови. «Труп молодой женщины, – неожиданно громко прозвучал над моим ухом незнакомый мужской голос, – смерть наступила

от удара ножом в сердце». Мне стало дурно, все поплыло у меня перед глазами, и я, падая в темноту, проснулась.

Сердце мое бешено колотилось. Мне не хватало воздуха, хотя окно в комнате было открыто. Я выскочила на балкон и сделала несколько глубоких вдохов. Что это? Предупреждение? Но о чем? Я вспомнила, как несколько лет тому назад уехала в отпуск и как через три дня мне приснились родители. «Все. Пора домой», – ласковым голосом произнесла мама, на что я возмущенно ответила: «Как домой? Да ведь я только приехала. Не вы ли сами уговорили меня поехать отдохнуть, утверждая, что каждую книгу я пишу, как последнюю?». «Пора, пора», – повторил отец. На следующий день мне позвонила сестра и сообщила, что родители попали в автокатастрофу.

Утренняя прогулка по набережной и осмотр собора конца девятнадцатого века постепенно изгладили из моей памяти ночной кошмар, так что на встречу с владельцем коллекции я пришла в приподнятом настроении. Я ожидала увидеть пожилого человека, какими обычно и бывают серьезные коллекционеры и собиратели, но меня встретил еще довольно молодой мужчина, лет тридцати пяти, невысокого роста, с весьма привлекательной внешностью.

– Вообще-то к этой коллекции я не имею никакого отношения, – улыбнувшись, сказал он, выслушав мои восторженные восклицания по поводу его благородного поступка. – Ее собрал мой родственник. Он умер прошлым летом. Прямых наследников после него не осталось, а я не слишком силен в этой теме. К тому же собираюсь в самое ближайшее время уехать в другую страну.

– Вы намерены эмигрировать? – спросила я.

Он снова улыбнулся:

– Моя вторая половина, с которой я хочу соединить свою жизнь, итальянка.

– Это другое дело, – засмеялась я. – Надеюсь, ваша избранница по достоинству оценит ваш поступок. Простите, а кто вы по профессии?

– Психолог.

– Неужели люди, живущие в таком райском месте, нуждаются в психологах? – не удержалась от легкой насмешки я. – Мне кажется, здесь уже сама атмосфера лечит. Один воздух чего стоит.

– Да, наверное, это кажется странным и нелепым, – ответил он, – но, поверьте, местным жителям психологическая помощь так же необходима, как и обитателям мегаполисов. Только представьте, в летний сезон количество людей в нашем городе увеличивается в несколько раз. Толпы народа заполняют улицы и переулки. Местные жители, чтобы заработать, сдают каждый угол, даже сарай. Это касается и тех, кто живет в квартирах. Нередко хозяевам приходится спать на лоджии, так как комнаты заняты постояльцами. Не всегда человеческая психика способна выдержать подобные обстоятельства.

Да, его объяснения прозвучали убедительно, так что мне оставалось только принести извинения за свой насмешливый тон. Простившись с психологом, я еще долго гуляла по городу и поздно вечером вернулась в свой номер. «Надеюсь, эта ночь пройдет без кошмаров», – подумала я, закрывая глаза, но мои надежды не оправдались.

Во сне я увидела длинный светлый коридор, в который выходило множество одинаковых деревянных дверей. Я брела по этому коридору, пока не дошла до последней двери. Потянув на себя ручку, я оказалась в ванной комнате. В ней стояла белоснежная ванна на изогнутых ножках, наполненная чистой водой. Подобрав полу кружевной ночной рубашки, в которую я была одета, я осторожно ступила одной ногой в воду, потом другой, а затем опустила в нее полностью. Блаженное состояние постепенно охватило меня. Я лежала в ванне и время от времени перебирала руками воду, как вдруг напротив меня возникло белое лицо с темными, невероятно огромными зрачками и ярко-красными губами. От неожиданности я уставилась на это лицо, пока не поняла, что это эластичная белая маска с прорезями для глаз и рта. И тут меня

охватил страх. Я настолько оцепенела, что была не в состоянии издать ни единого звука, пока тот, кто прятался под маской, не улыбнулся мне зловещей улыбкой и не схватил руками мои лодыжки. Я обратила внимание на ногти, выкрашенные красным лаком. Маска перехватила мой взгляд, снова улыбнулась и резко дернула на себя мои ноги. Я с головой погрузилась в воду. Я пыталась вырваться, но у меня ничего не получалось, и я начала захлебываться. «Причина смерти – утопление», – внезапно произнес чей-то незнакомый мужской голос мне в ухо. Я прерывисто вздохнула и... проснулась.

Сердце опять было готово выскочить из груди. Я встала с кровати, подошла к окну и простояла возле него, пока не рассвело. Мне еще никогда не снились такие жуткие кошмары. «Неужели это реакция моего организма на акклиматизацию?» – подумала я, вглядываясь в синеву моря. Утро обещало чудесный день.

– Ну вот и погода устанавливается, – сказала хозяйка гостиницы, когда я спустилась вниз, чтобы выпить чашку кофе в кафе, расположенном на первом этаже. – Сегодня уже можно смело отправляться на пляж.

Но я отправилась не на пляж, а в музей, где и провела почти целый день, изучая коллекцию гемм и восхищаясь красотой тех предметов, что ее составляли. Это занятие постепенно сгладило тяжесть моего ночного кошмара. Укладываясь спать, я старалась ничего себе не желать, а только вновь и вновь вспоминала те превосходные камеи, что наиболее впечатлили меня. «Они побеждают столетия», – вспомнила я, засыпая, слова Рейнака³¹ о геммах.

На третью ночь я увидела себя в комнате, обставленной мебелью в стиле эпохи Людовика Пятнадцатого. Одета в длинный розовый пеньюар с широкими рукавами, я сидела за круглым столиком и раскладывала пасьянс. Неожиданно по моей спине пробежал легкий холодок. Я обернулась в сторону окна, которое было чуть приоткрыто, но увидела лишь, как едва колыхнулись легкие полупрозрачные шторы. Я вновь вернулась к картам, как вдруг мою шею обхватило что-то похожее на веревку и начало медленно сдавливать горло. Мне стало нечем дышать, глаза мои закатились. Я чувствовала, что теряю сознание. Перед тем, как окончательно погрузиться в темноту, я услышала, как кто-то громко произнес: «Асфиксия». Через некоторое время темнота стала рассеиваться, и первое, что я увидела, было мое тело, которое висело прямо над столом с завершенным пасьянсом, а рядом со столом стояли мужчины, одетые в кожаные тужурки и галифе, заправленные в сапоги. Все они с любопытством смотрели на меня, точнее, на мое тело.

Утром, обзвонив все гостиницы в поисках свободного номера и получив отрицательный ответ, я как бы невзначай заинтересовалась у горничной, пришедшей убрать комнату, не было ли в моем номере несчастных случаев.

– Несчастных случаев? – удивилась она. – Что вы имеете в виду?

– Ну, может быть, кому-то внезапно тало плохо с сердцем, и... этот человек скончался, – запинаясь, объяснила я.

– На вашей кровати еще никто не умирал, – покачала головой горничная. – Да и вообще гостиница наша новая. Всего только третий год как открылись.

Я задумалась. Чем же тогда можно было объяснить мои ночные кошмары? Книг детективной тематики я уже давно не читала. В последние годы интерес для меня представляли либо мемуары, либо специальная литература.

Мой очередной ночной кошмар был связан с высотой. Мне приснился догорающий осенний вечер. Желтые и красные листья устилали землю и тихо шуршали под ногами. Я шла одна по какой-то незнакомой мне улице, пока дорога не вывела меня на небольшой, перекинутый

³¹ Саломон Рейнак (1858 – 1932) – французский археолог.

через речку мост. Медленно я брела по мосту, пока не остановилась и, облокотившись о перила, не посмотрела вниз. Вдруг кто-то крепко схватил меня сзади, а затем стремительно перебро-сил через перила. Последнее, что я увидела перед тем, как закричала, была темная гладь воды.

Когда я проснулась, то не сразу поняла, где нахожусь. Лишь немного придя в себя и при-смотревшись, я поняла, что лежу на кровати в гостиничном номере и что за окном стоит глу-бокая ночь. «Еще один такой кошмар – и я умру прямо во сне от разрыва сердца», – невольно подумалось мне.

Дождавшись утра, я весь день бродила по городу, переходя из одного парка в другой и таким образом скрываясь от жары, пока под самый вечер не оказалась на железнодорожном вокзале. Шумный и переполненный днем людьми, он, к моему удивлению, оказался совер-шенно пуст. Я заглянула в зал ожидания: там тоже не было ни души. Встав у окна, я бесцельно смотрела на пустой перрон. И вдруг мимо окна прошла, точнее, проплыла, высокая строй-ная дама, одетая в изящный дорожный костюм начала двадцатого века, который состоял из длинной юбки и приталенного жакета светло-серого сукна. Руки незнакомки были спрятаны в крошечную муфту, а на голове красовалась маленькая шапочка с опущенной на глаза черной вуалью, доходившей до переносицы и не скрывавшей остальные безупречные черты лица. Я остолбенела от неожиданности, а когда пришла в себя, то выбежала на платформу. Никого! Незнакомка как будто в воду канула.

«Ну не привиделась же она! Только этого мне еще не хватало», – подумала я.

Я вернулась в номер, включила свет и присела в кресло. Мой рассеянный взгляд скользил по стенам, пока не остановился на фотографии. «Хорошо вам там чай распивать, – вздохнув, подумала я, глядя на тех, кто смотрел на меня со снимка. – Могли бы и мне предложить чашечку».

Я встала, подошла к письменному столу и стала бесцельно перебирать бумаги, лежавшие на нем. Неожиданно мои пальцы коснулись плотного прямоугольничка. Это была визитка пси-холога, которую он дал мне на прощание. «Садков Глеб Николаевич. Семейный психолог», – прочитали мои глаза. Дальше шел номер мобильного телефона. Не знаю почему, но я набрала его.

– Вот уже несколько дней, как я плохо сплю, – сказала я. – Меня одолевают самые разные кошмары, а ведь раньше я этим не страдала. Я даже на кровать боюсь прилечь, хотя мне еще ни разу в жизни не попадались такие замечательные кровати. Но как меня только во сне на ней не убивали: и душили, и топили, и даже с моста прошлой ночью сбросили. Не представляю, какие еще существуют способы убийства. Помогите мне понять, почему мне все это снится. – Про даму в вокзальном окне я решила промолчать.

– А это не может быть связано с вашей книгой? – спросил психолог, выслушав меня. – У вас может быть элементарное переутомление.

– Но я же не над эпопеей работаю, вроде «Войны и мира», – возразила я. – Я пишу о совершенно простых вещах – о камнях. Я пишу о красоте, о мастерстве тех, кто их создал. Конечно, я касаюсь каких-то античных историй или известных исторических личностей, но стараюсь не упоминать ни о насилии, ни о преступлениях, с ними связанных.

– А как же камень Гонзаго? – в голосе психолога послышалась легкая насмешка. – В сколь-ких руках она успела побывать. Да и сами герои, чьи портреты изображены на ней, благона-равием при жизни не отличались.

– А утверждали, что не в теме, – укоризненно произнесла я.

– Ну, хорошо, – примирительно сказал он. – Попробуем выяснить причину ваших ноч-ных кошмаров. Я зайду к вам завтра, после работы.

Садков пришел, как и обещал, вечером. Видимо, выглядела я настолько неважно, потому что в его глазах промелькнуло удивление.

– Неужели так плохо?

В ответ я только молча кивнула.

– У вас довольно уютный номер, – сказал он, войдя в комнату. – Но, может быть, вам стоит переехать в другой?

– Увы, это невозможно. Сезон в самом разгаре, – сухо произнесла я. – Все номера заняты. И не только в этой гостинице. Я уже узнавала.

– Что же мне с вами делать? – произнес Садков, разглядывая меня. – А давайте-ка куда-нибудь сходим, – неожиданно предложил он. – Не хотите посидеть в летнем кафе на свежем воздухе и полюбоваться ночным морем?

Я отрицательно покачала головой.

– Я так и думал, – улыбнулся он. – Тогда давайте просто погуляем. Я покажу вам одно чудесное место.

Я согласилась и попросила подождать его в холле, чтобы переодеться для вечерней прогулки. Когда я уже спускалась вниз по лестнице, то увидела, как Садков весело переговаривается о чем-то с хозяйкой гостиницы.

– Неужели и Эмма – ваша клиентка? – шутливо спросила я, когда мы направлялись к выходу.

Он недоуменно взглянул на меня. Я кивнула в сторону хозяйки гостиницы.

– Ах, вот вы о ком, – засмеялся он. – Нет, я просто поинтересовался, правда ли, что здесь варят очень вкусный кофе.

Мы все время шли какими-то улочками, так что мне казалось, что мы поднимаемся куда-то вверх по нескончаемому серпантину, но, когда Садков подвел меня к низкой каменной балюстраде, оказалось, что передо мной, как на ладони, лежит весь город. Это было действительно чудесное зрелище. Город переливался, но огни мерцали также и в небе, отчего казалось, что небесные стразы плавно перетекают в земные.

– Ну как вам? – поинтересовался мой спутник.

– Замечательно, – сказала я, присаживаясь на край балюстрады. – Кажется, протяни руку – и коснешься пальцами звезд.

– А если встать, то они покажутся совсем близко. Не хотите попробовать?

Я покачала головой.

– Боитесь высоты?

– Боюсь. К тому же я еще не закончила книгу.

– Я вас подстрахую. Ну же.

Не люблю, когда меня подзадоривают, поэтому я вздохнула и встала на узкую каменную поверхность. Действительно, звезды показались еще ближе, однако, когда я посмотрела вниз, у меня тут же закружилась голова. Я покачнулась, но Садков успел поддержать меня, а затем помог спуститься. Ухватившись за его левую руку, я обратила внимание на перстень, надетый на безымянный палец. Чувство профессионального любопытства, как всегда, взяло вверх, и я на мгновение задержала руку психолога, чтобы рассмотреть перстень. Это была инталия на аметисте с изображением листика плюща.

– Единственное, что я оставил себе из коллекции на память, – объяснил Садков.

– Аметист в инталиях встречается не часто, – сказала я. – Первое, что мне приходит на память, это изображение императора Каракалла. Есть еще изображение Брута, хранящееся в Бостоне, и портрет императора Луция Вера. Также имеется гемма, на которой изображена дочь Тита Флавия Веспасиана – Юлия. Вот, кажется, и все. Ах, да, как же я позабыла про Артемиду с факелами, что хранится в археологическом музее Неаполя. Но ваша инталия не менее интересная, ведь плющ, как известно, символизирует бессмертие...

Едва я произнесла последнее слово, как внезапный порыв ветра ударил меня в спину, да так, что я не удержалась на ногах и уткнулась своему собеседнику в грудь.

– Простите, – пробормотала я.

– Ничего страшного, – ответил Садков. – Кажется, надвигается гроза.

И действительно, вскоре поднялся ветер, а затем стал накрапывать дождь. Мы были вынуждены вернуться к гостинице.

Перед тем как проститься, психолог вынул из кармана аптечный пузырек и протянул его мне.

– Попробуйте вот это средство. Две таблетки на ночь. Не пугайтесь, это всего лишь успокоительное. Я сам им пользуюсь, когда очень устаю и не могу заснуть.

Я бросила на него удивленный взгляд.

– Представьте, и с психологами такое случается, – улыбнулся он.

Я с опаской смотрела на пузырек, не решаясь взять его.

– Есть еще один вариант, – сухо сказал Садков. – Я могу записать вас на прием к хорошему психиатру.

– Пока обойдемся без него, – поспешно произнесла я, забирая пузырек.

Как и посоветовал Садков, я выпила две таблетки. И хоть на сей раз меня никто убивал, но в моих ушах звучала такая тяжелая, мрачная музыка, что мне казалось, что меня хоронят заживо.

Проснувшись я в половине седьмого. Немного походила по комнате, затем села за стол и попыталась заняться рукописью. Несколько часов я просидела над своими последними записями, но результаты моего труда были удручающими.

После обеда я отправилась в музей. Мне нужно было забрать снимки камней, которые для меня должен был сделать музейный фотограф, но по дороге я неожиданно заблудилась. Решив немного передохнуть от жары, я зашла в первый попавшийся магазинчик. В нем продавались всевозможные женские украшения. Я перебирала ожерелья, цепочки, кулоны, пока мой взгляд не остановился на браслете, украшенном семью крупными гладкими бусинами. Семью камнями. Я по очереди коснулась зеленоватого нефрита, голубого агата, небесной бирюзы, розового коралла, темно-синего лазурита, золотисто-желтого цитрина и фиолетового аметиста. И хотя в магазинчике освещение было тусклым, камни ярко переливались. Очарованная их блеском и игрой, я не в силах была оторвать от них глаз. В памяти неожиданно всплыли строки из стихотворения Тэффи:

И проснутся семь огней,

Заколдованных камней!

Не раздумывая, я купила браслет, надела на руку и вышла на улицу. Солнце пекло по-прежнему, но я решила продолжить свой путь. Однако не успела я сделать и нескольких шагов, как вдруг серебряная цепочка, на которую были нанизаны камни, порвалась, и бусины разом посыпались на землю и покатались по дорожке. Я бросилась их поднимать. Камни убежали от меня, а я торопливо спешила за ними, пытаясь поймать их. Наверное, со стороны это выглядело смешно и нелепо, но мне было не до смеха. И все же спустя некоторое время шесть камней оказались в кармане моей юбки. Не хватало только аметиста. Я не отрывала взгляда от земли, но камень никак не находился. «Аметист, свети! Свети! Озаряй мои пути!» – как заклинание, прошептала я.

Пройдя еще немного, я вдруг наткнулась на каменную лестницу, возле нижней ступеньки которой преспокойно лежал мой беглец. Обрадовавшись, я подняла его, опустила в карман, присоединив к остальным, а затем подняла глаза и увидела, что стою перед небольшим особнячком, выкрашенным в нежно-зеленый цвет. Мраморная доска сообщала, что в данном здании находился музей истории театра.

Я толкнула дверь и очутилась в пустом вестибюле. В нем было прохладно и пахло лаком, краской, а также сырой известью. Не прошло и двух минут, как в вестибюле показалась невысокая полная женщина, которая тут же воскликнула, увидев меня:

– А мы еще не открылись. У нас только вчера закончился ремонт.

Женщина подошла ко мне.

– Простите, а я вас раньше нигде не могла видеть? – вдруг растерянно произнесла она.

Я пожала плечами:

– Вполне возможно.

– Ваше лицо мне кажется знакомым.

Пришлось признаться в том, что я несколько раз принимала участие в телевизионных программах.

– Точно! – обрадовалась женщина. – Вы Алла Родионова, искусствовед. Я читала вашу последнюю книгу. О Серебряном веке. Написано просто и в то же время захватывающе интересно! Ну, раз так, давайте я проведу для вас небольшую экскурсию. Кстати, меня зовут Ирина Ильинична, и я директор этого музея.

Я не стала отказываться от сделанного мне предложения.

– У нас на побережье несколько театров, – рассказывала,водя меня по залам музея, Ирина Ильинична. – А сколько столичных трупп перебивало в наших краях! Даже Шаляпин пел. У нас богатая театральная история, поэтому нам есть чем похвастаться.

Похвастаться действительно было чем. Особую гордость музея составляли театральные костюмы, которым был отведен один из самых больших залов. За этим залом располагалась небольшая комнатка, где была представлена экспозиция, посвященная летнему театру. Летний театр действовал в городе много лет, пока не был закрыт в конце двадцатых годов прошлого века.

– В летнем театре преимущественно играли любительские труппы, – пояснила Ирина Ильинична. – У нас и некоторые их костюмы сохранились. Если хотите, можете подробнее ознакомиться с ними. Я видела, они вас заинтересовали.

Оставляя меня в зале, Ирина Ильинична сказала, что, после того как я закончу, то смогу найти ее внизу.

Закончив изучать костюмы, я вышла в коридор и, немного постояв, неожиданно открыла соседнюю дверь. Не могу объяснить, что меня к этому подтолкнуло, но я зашла внутрь и принялась рассматривать стенды с фотографиями, которые там висели. Одна из них привлекла мое внимание. На ней был снят молодой человек с очень красивой наружностью. Он был одет в черный фрак, белую манишку и высокий цилиндр на голове. Особое впечатление на меня произвели его глаза, большие, с необыкновенно длинными темными ресницами. Таким ресницам могла бы позавидовать любая девушка.

Шло время, а я все стояла и никак не могла оторваться от этого лица – настолько его красота была притягательна.

Наконец я опустила взгляд. Подписи под фотографией не было.

Я оглянулась. Возле одной из стен стоял деревянный стеллаж, на полках которого лежали альбомы в старинных кожаных и бархатных переплетах. Я взяла несколько из них, присела за овальный столик, покрытый темно-бордовой скатертью, и принялась перелистывать страницы. Вскоре мне стало понятно, что эти альбомы являются своеобразной летописью любительских трупп, существовавших когда-то в городе. В одном из альбомов я обратила внимание на фотографию молодой женщины, с задумчивым видом опиравшейся на высокую тумбу. Ее внешность показалась мне знакомой. У меня было такое ощущение, как будто я ее только что видела. Задумавшись над столь странным обстоятельством, я в течение некоторого времени разглядывала фотографию, пока меня не осенило.

Ну конечно же! Эти глаза! Я поднялась и, держа альбом в руках, подошла к стенду. Сходство между девушкой и молодым человеком было поразительным. «Брат и сестра», – подумала я.

Я вернулась к столику и прочла подпись под фотографией в альбоме: «Евгения Борецкая в роли Офелии. Постановка Л. Трубина». Указательным пальцем левой руки актриса слегка касалась своих губ. Я обратила внимание на квадратный перстень, надетый на ее средний палец. «Инталья?» – мелькнуло в моей голове.

Продолжив листать альбом, я обнаружила еще один снимок этой девушки. На этот раз она была в образе Медеи. «Какой интересный выбор персонажей», – задумчиво покачала головой я, разглядывая лицо Борецкой. На это раз ее сняли в профиль. Безупречно красивый нос и такой же красивый подбородок. Нос и подбородок. Нос и подбородок женщины, которую я видела позавчера на вокзале!

Прихватив с собой альбом, я отправилась вниз, в кабинет директора.

– Расскажите мне о Евгении Борецкой! – прямо с порога заявила я.

Ирина Ильинична удивленно взглянула на меня, однако тут же усадила на один из стульев, стоявших вокруг длинного прямоугольного стола, и присела рядом.

– Прекрасно вас понимаю, – сказала она. – Невозможно не обратить внимания на такую красавицу. Эта девушка была довольно известной личностью в наших краях. – Ирина Ильинична придвинула альбом к себе. – Она была дочерью губернатора нашего края. Большую часть времени Евгения проводила в Санкт-Петербурге, где жила у бабушки. Доподлинно известно, что она посещала лекции в университете. Кажется, интересовалась теософией. В летние месяцы приезжала к отцу и играла в любительских труппах.

Директор музея замолчала.

– И это все? – недоверчиво спросила я.

– У нее был брат-близнец, Ян, – сказала Ирина Ильинична, – но он умер в подростковом возрасте. Несчастный случай – выстрелил в себя из револьвера отца. Все произошло на глазах у сестры. Дома, к сожалению, в это время никого из взрослых не было. Для матери Евгении это стало настоящим ударом, и она вскоре умерла. Что касается отца, то он в двадцатом году на одном из кораблей эвакуировался вместе с войсками Врангеля. Как сложилась судьба Евгении нам, увы, неизвестно. Скорее всего, она тоже покинула Россию.

Что ж, это были все сведения, какими со мной могли поделиться. Я поблагодарила Ирину Ильиничну за рассказ и собралась уйти, как вдруг она произнесла, склонившись над альбомом:

– А вот еще одна фотография Евгении. Здесь она после спектакля. Кажется, со своей поклонницей.

Я подошла и увидела снимок, на котором Евгения Борецкая, одетая в древнегреческую тунику, с диадемой на голове была снята вместе с белокурой девушкой. Той самой, что была на групповом снимке, висевшем в моем номере.

Озадаченная этим обстоятельством, я вернулась в гостиницу. Первой, кого я увидела в холле, была хозяйка, стоявшая возле стойки администратора и что-то писавшая в толстой тетради.

– Эмма, – сказала я, подойдя к ней, – как давно в моем номере висит черно-белая фотография?

– Вам она тоже понравилась, как и мне? – улыбнулась владелица гостиницы. – Я совершенно случайно купила ее пару месяцев назад, когда искала инсталляцию взамен той, что при уборке разбила горничная. У нас в городе есть магазинчик, в котором мы, владельцы гостиниц, предпочитаем покупать разные безделушки для украшения номеров. Однажды я столкнулась там с мужчиной, принесшим эту фотографию. Он меня и уговорил ее купить. Все-таки старина. Да вы же его знаете. Он приходил к вам вчера вечером. Почему вы так на меня смотрите? Это ведь именно он попросил меня никому не сдавать этот номер, а оставить его для вас.

Я поднялась к себе и остановилась возле фотографии. Затем сняла ее со стены, положила в пакет и вышла.

Садков ничем не выдал своего удивления, когда открыл мне дверь своей квартиры.

– Неужели таблетки не помогли? – невозмутимо произнес он. Я тоже не хотела показывать ему своих чувств, поэтому довольно спокойно сказала:

– Объясните мне, что все это значит?

– Что вы имеете в виду?

– Вы прекрасно знаете, что я имею в виду. Зачем вы устроили всю эту историю с коллекцией?

Садков улыбнулся и пригласил пройти в гостиную.

В гостиной я вынула из пакета фотографию, положила ее на журнальный столик и присела на диван. Он устроился напротив меня в кресле.

– Разбирая бумаги своего двоюродного деда, я нашел среди них нечто вроде мемуаров его матери, которые она записала на старости лет и в которых поведала о своих и своих друзей «приключениях». Должно быть, он оставил их без внимания, иначе уничтожил бы эти откровения. – Садков развернул фотографию и придвинул ее ко мне. – Взгляните на девушку в черном. Это Анна Измайлова. Она отравила всю свою семью. Не могла простить мать за то, что та после смерти отца вышла замуж за другого человека и родила ему трех детей. А вот эта «английская роза», – он ткнул пальцем в блондинку, – специализировалась на утоплении. Снимала комнату в каком-нибудь частном пансионе и, незаметно проникнув в ванную комнату, топила кого-нибудь из постояльцев, когда тот принимал ванну. Причем делала это, надев на свое лицо маску, сооруженную из белой шапочки для купания, с прорезями для глаз и рта. Рот, как и ногти, она предпочитала красить исключительно ярко-красным цветом. Господин, что находится в центре, – Петр Абросимов, он занимался повешением. Вешал свои жертвы, но предварительно душил их. В квартиру предпочитал проникать по пожарной лестнице через раскрытое окно. Двое остальных господ, что сидят справа и слева от него, Дмитрий Терехов и Павел Круглов. Терехов сбрасывал по ночам с моста в реку припозднившихся прохожих, а вот Круглов убивал одним ударом ножа в сердце. Раз в году эти господа встречались в ресторане и отчитывались, сколько душ каждый из них отправил на тот свет.

Я глубоко вздохнула.

– А кто шестой?

– Шестая. Шестая и есть автор «мемуаров» – Евгения Борецкая. Правда, здесь она одета в мужской костюм. Жаль, что ее лица не разглядеть. В молодости она была невероятно хороша собой. Ее преступления были самыми утонченными по сравнению с остальными. Нет, она не убивала сама – по ее мнению, все, что делали ее друзья детства, милые благовоспитанные мальчики и девочки, было грязно и грубо. А вот довести свои жертвы до самоубийства – это, как сейчас принято говорить, она считала высшим пилотажем. Прекрасная артистка, она могла действовать то в образе девушки, то в образе молодого человека – последнее ей особенно нравилось. Когда в нее влюблялась хорошенькая девушка, это доставляло ей ни с чем несравнимое удовольствие: она радовалась тому, что может легко обмануть представительниц пола, к которому сама же и принадлежала. Итак, она влюбляла в себя свои жертвы, а затем Ян или Евгения, в зависимости от того, кем она была на данный момент, признавалась, что неизлечимо больна, что ее дни сочтены и что она скоро умрет. Возлюбленный или возлюбленная непременно хотели последовать за ней на тот свет. И им никто не мешал осуществить свое намерение. Все, как говорится, делалось исключительно по личному желанию самоубийцы, о чем он всегда предусмотрительно сообщал в своей предсмертной записке. Придаться невозможно, а уж тем более кого-то обвинить, не правда ли?

Он взглянул на меня, вероятно, ожидая согласия, но вместо этого я угрюмо спросила:

– И сколько же людей, благодаря их проделкам, лишилось жизни?

– Я узнал только, что орудовали они семь лет и что разоблачили их случайно. В кабинете ресторана, в котором они обычно встречались за чашкой чая, чтобы рассказать о своих, как вы изволили выразиться, проделках, возле одной из стен стоял дольной большой шкаф. За пару часов до их очередной встречи в нижнем отделении этого шкафа спрятался сын повара – он играл в прятки со своим младшим братом. Мальчику было лет десять. Находясь там, он уснул, а когда проснулся, отчетное заседание было в самом разгаре.

– Кровавое чаепитие, – прошептала я.

– Особо вольготно им было в первые годы революции, когда в стране царил бардак. Мальчик узнал блондинку: они жили по соседству. Он также запомнил и имена, благодаря чему удалось всех установить и, следовательно, остановить. Вот только шестого поймать не получилось: Евгения как будто почуяла, что за ней придут, и буквально за несколько минут до ареста исчезла. Когда милиция пришла ее арестовывать, то товарищей милиционеров ждала лишь чашка еще дымившегося кофе. Несколько лет Борецкая скрывалась, где придется, а потом вернулась в родные края и поселилась по соседству у дальних родственников под чужой фамилией. Конечно, ей пришлось завязать с прошлым, но... она тосковала по нему. Подтолкнуть человека к мысли добровольно расстаться с жизнью – дано не каждому, не так ли?

Я покачала головой.

– Но вам-то зачем понадобилась вся эта история?

– Не поверите, но после прочтения записей старушка стала являться ко мне во сне. Говорила, что она и ее друзья хотят вернуться.

Мне показалось, что передо мной сидит умалишенный.

– Что, неумоготу без преступлений? – усмехнулась я. – И каким же образом они пожелали это сделать?

– С помощью определенных предметов, которые им принадлежали. Например, фотографии. Ведь фотография – это своего рода зеркало, а зеркало, как раньше считали, да и считают сейчас, это своеобразная дверь в потусторонний мир.

Эта фотография была среди вещей, доставшихся мне в наследство от сына Борецкой. Я отнес ее в магазин, и... ее тут же купили. Хотя, признаюсь, сначала я сомневался, но именно вы подтолкнули меня осуществить то, что предложила мне моя покойная родственница.

– Я? – не сдержала удивления я.

– Да, вы. Полгода назад на одном из телевизионных каналов была передача с вашим участием. Когда вам задали вопрос, верите ли вы в то, что старинные предметы могут нести в себе негативную, разрушительную энергетику, вы сказали, что нет.

– Я и сейчас не откажусь от своих слов, – пожала плечами я. – Всякая красивая вещь, если она создана с любовью, несет в себе только радость и счастье.

– А как же тайна, которая заключена в ней? – улыбнулся Садков.

– Но тайна заключена вовсе не в ней, – возразила я, – а в тех человеческих руках, что ее сотворили.

– Нет, – покачал головой Садков, – я имел в виду другую тайну. Тайну влияния на человека.

Я бросила на него удивленный взгляд.

– Да нет никакой другой тайны, есть только одна тайна – тайна мастерства. Как психолог вы должны понимать: если человек не может справиться со своими чувствами, которые толкают его ради обладания красивой вещью на страшные поступки, то это его проблема, но не проблема красоты.

– И все-таки не все так просто, как вы говорите, – опять покачал головой Садков. – Знаете, глядя на вас тогда, я понял: вы и есть тот самый человек, который мне нужен, поэтому я

и затеял передачу коллекции музею, а заодно раздобыл номер вашего агента и сообщил ей об этом мероприятии, а также о том, где вам лучше всего остановиться.

– Значит, вы решили поставить свой эксперимент на мне?

– Но вы же не станете отрицать того, что связь между нашим миром и тем существует? –

Он наклонился ко мне. – Вы же пережили все то, что они натворили сто лет назад.

– Нет никакого потустороннего мира, – ответила я. – Связь, конечно, есть, но она существует между прошлым и настоящим и, конечно же, будущим. И это один мир. Другого нет. Да, что-то остается навсегда в вещах, в человеческой памяти и даже, быть может, в воздухе, в атмосфере. Иногда наше зрение позволяет нам это увидеть.

Он хотел возразить мне, но у меня не было желания с ним спорить, поэтому я встала:

– Надеюсь, вы удовлетворены сделанным. И все же я еще раз повторю: я верю в магию творчества, а не в магию.

– О, да, – усмехнулся он. – Как там у Мережковского? «Чудес больше нет. Магия – вздор. Глупы те, кто в нее верит».

Он насмешливо посмотрел на меня.

– Вы забыли еще одну фразу, – сказала я. – «Но если ты хочешь быть обманутым...»

Я открыла дверь и ушла.

На следующее утро, собирая вещи, я включила телевизор и неожиданно услышала:

– Вчера ночью в нашем городе, – произнес голос диктора, – было совершено жестокое убийство. Хозяин квартиры убит ударом ножа в сердце. Следствие прорабатывает несколько версий: в частности, смерть погибшего могла быть связана с его профессиональной деятельностью – убитый Глеб Садков не один год проработал семейным психологом. Следователи допускают, что преступление мог совершить кто-то из его клиентов, а также из числа их родственников. Преступник похитил из квартиры часы и деньги, однако не взял аметистовый перстень, который лежал на письменном столе.

Вилла в горах

Как оказалось, я приехала раньше всех. Поселили меня в просторном и довольно уютном номере, чему я несказанно удивилась и обрадовалась. Разложив вещи и переодевшись, я решила прогуляться и взглянуть на море, благо до набережной было рукой подать. Несмотря на то что солнце стояло в зените, а на небе не было ни одного облачка, набережная была полна народа: кто-то спешил купить билет на теплоход, чтобы совершить морскую экскурсию, кто-то фотографировался под сенью платана, под которым, как гласила стоявшая рядом с деревом табличка, Есенин назначал свидание Дункан, большинство же, как и я, просто прогуливалось.

Маленький пятачок пляжа, прилепившийся к одному из молвов, был до отказа забит загорающими людьми, но меня нисколько не тянуло присоединиться к ним, хотя было очень жарко. Я никогда не любила и не люблю пляжи, переполненные отдыхающими, которые лежат в несколько рядов, чуть ли не на головах друг у друга. Я лишь остановилась на мгновение, чтобы взглянуть на эту разноцветную, шумную, безостановочно колыхавшуюся массу. Мне невольно вспомнились слова Марины Цветаевой, сказанные ею однажды Максимилиану Волошину, что она выйдет замуж за того, кто найдет на морском берегу и подарит ей сердолик. «Какое скромное желание, – усмехнулась про себя я. – В наши дни девушки предпочитают не простенькие камни, а нечто более стоящее и значительное».

Дойдя до конца набережной и любуясь безмятежной морской синевой, я повернула в обратную сторону и вдруг наткнулась на указатель, извещавший о том, что неподалеку, буквально в двухстах метрах, находится музей. Я искусствовед, музей – это часть не только моей работы, но и жизни, поэтому я никогда не пройду мимо него, даже если он окажется невероятно маленьким и скромным.

Музей действительно обнаружился поблизости; он располагался в доме, некогда принадлежавшем известной в городе семье, один из членов которой был композитором и учеником Римского-Корсакова. Как сообщила экскурсовод нашей группе, в этом доме в конце девятнадцатого века останавливалась королева Сербии, а кресла в музыкальном салоне принадлежали самому Шаляпину. Еще одной реликвией, которой гордился музей, было зеркало, в которое, по словам все той же экскурсоводши, неоднократно смотрелись сестры Цветаевы.

Пока члены группы толпились вокруг зеркала и заглядывали в него по очереди в надежде хоть на мгновение, но поймать тени былого, я рассмотрела отделку ножек шаляпинских кресел, затем мое внимание привлекла фигурка павлина из хризолита (моего любимого камня), стоявшая на полке камина, а потом приступила к изучению книжного шкафа, точнее, не шкафа, а его содержимого. Что поделать, но я люблю читать названия на корешках книг.

«Эти книги попали к нам из частных библиотек в начале двадцатых годов, когда создавался музей», – пояснила экскурсовод, заметив мой интерес к книгам, которые были в очень хорошем состоянии; большинство из них имели добротные кожаные переплеты, отделанные мозаикой.

Наконец толкотня вокруг зеркала стихла, все перешли в соседнюю комнату, и я смогла подойти к нему, чтобы внимательно рассмотреть этот предмет старины. Что ж, оно действительно было старое, небольшой круглой формы. Самым замечательным в нем была его резная рама. Я невольно бросила взгляд на свое отражение, как вдруг справа от меня что-то щелкнуло. Я повернулась и увидела незнакомого мужчину, с улыбкой смотревшего на меня и державшего в руке фотоаппарат.

– Извините, не удержался, – продолжая улыбаться, произнес он. – Дурная привычка. Снимаю все, что мне нравится.

«Какой неприятный тип», – подумала я, а вслух сухо произнесла:

– Действительно, дурная. – И вышла из комнаты.

Уйдя из музея, через некоторое время я оказалась в небольшом, но уютном парке.

Я люблю приморские города, именно за эти парки с их зеленью, беседками, старыми мраморными скамейками и укромными уголками. В этом парке был устроен небольшой каскад. Я медленно шла вдоль него, слушая, как по каменным желобам еле слышно струится вода. Возле одного из крошечных прудов, я остановилась, увидев на поверхности неподвижных золотисто-красных рыбок. «Неужели умерли?» – глядя на них сверху, с замершим сердцем подумала я. Однако рыбки были скорее живы, чем мертвы. Присмотревшись, я вдруг разглядела на противоположной от рыб стороне притаившегося в густой зелени большого черного кота. Кот, так же замерев, как и я, не сводил своих коварных глаз с рыбок. Я впервые в жизни видела, чтобы рыбы так искусно притворялись мертвыми. «И чья же возьмет?» – подумала я, заинтригованная представшей передо мной картиной.

Победили рыбки. То ли коту надоело пребывать в неподвижной позе, то ли, судя по его откормленному виду, он был не слишком-то и голоден, но вскоре он покинул свой наблюдательный пост, а рыбки тут же ожили. Их плавники и хвостики весело заискрились в прозрачной воде. Я с облегчением вздохнула и двинулась по направлению к выходу. Я собиралась вернуться в музей...

На следующее утро не успела я спуститься в холл, как дежурный администратор тут же проводил меня в небольшую комнату, в которой уже находилось трое мужчин и две женщины. Мужчины, расположившись вокруг стеклянного столика, тихо беседовали между собой. Двое из них сидели в креслах, третий же, на голове которого красовалась ковбойская шляпа, а возле ног, обутых в пляжные шлепанцы, в клетке мирно дремал петух, довольствовался стулом.

Что касается женщин, то между ними такого дружеского расположения друг к другу не наблюдалось. Они коротали время, сидя на разных концах дивана. Я отметила, что обе они были жгучими брюнетками. И мужчины, и женщины были приблизительно одного возраста – от сорока до пятидесяти лет. Поздоровавшись, я присела между дамами.

– У вас тоже сверхъестественные способности? – тут же тихим голосом спросила меня та, что сидела справа.

Я едва не подпрыгнула на диване.

– Способности?

– Ну да, вы тоже специализируетесь по поиску кладов? – невозмутимо произнесла она.

«Куда я попала?» – не без ужаса подумала я. Ощущение, что мой литературный агент опять втянула меня в не очень приятную историю, невольно охватило меня. «Для вас есть весьма интересный материал, – вспомнила я слова Алисы. – Драгоценности княгини Белореченской. Об их уникальной красоте в начале двадцатого века писали все модные журналы не только России, но и Европы. Просто грех не воспользоваться этим предложением, тем более что приглашающая сторона оплачивает все расходы».

– Н-нет, я из другой области, – ответила я.

В это время в комнату вошел мужчина, в котором я с удивлением узнала того самого человека, что сфотографировал меня в музее.

– Меня зовут Эдуард Ладыгин, – улыбнувшись, произнес мужчина. – Я являюсь представителем одной семьи, в интересах которой действую и в интересах которой вы были приглашены в этот замечательный город. Независимо от результатов ваших действий все ваши усилия будут хорошо вознаграждены. Дело же обстоит в следующем: мои доверители являются потомками известной княжеской семьи, точнее, княгини Белореченской, на чьей вилле вам сегодня и предстоит поработать. В девятнадцатом году княгиня вместе с младшей дочерью и годовалой внучкой покинула Крым, увезя с собой фамильные драгоценности. Две ее старших дочери по определенным обстоятельствам были вынуждены остаться в Петербурге. Княгиня вскоре умерла, драгоценности же перешли к младшей дочери, а затем и к внучке, связь с кото-

рой членам семьи возобновить удалось лишь в конце девяностых. Дама, прожившая всю жизнь в одиночестве и на чужбине, собиралась вернуться на родину, чтобы сделать сюрприз своим вновь обретенным родственникам – поведать о том, где ее мать с бабушкой спрятали самую ценную часть фамильных сокровищ. К сожалению, за несколько дней до своего приезда она, то ли в результате эмоционального волнения, то ли в силу своего отнюдь не юного возраста, скончалась. Наследники были потрясены таким жестоким ударом судьбы, однако предприняли самостоятельные поиски: тщательнейшим образом ими были исследованы петербургский дом, в котором до революции проживала семья княгини, ее московская квартира, а также имения под Калугой и в Поволжье, точнее, то, что от них осталось. Увы, все оказалось напрасно. Никаких результатов эти поиски не принесли. Осталось осмотреть единственное место – виллу в Крыму, на которой княгиня провела последние годы своей жизни в России и на которую мы сейчас с вами отправимся. Нынешний хозяин виллы любезно согласился впустить нас к себе ровно на один день. Два моих помощника, которые уже ждут в автобусе, при помощи специальной аппаратуры обследуют все стены на предмет наличия тайников и прочих укромных мест. Если же они ничего не найдут, то тогда к делу приступите вы, уважаемые обладатели сверхъестественных способностей.

При этих словах я снова едва не подпрыгнула на диване.

– Боюсь, но вас, должно быть, ввели в заблуждение насчет моих... э-э талантов, – пробормотала я, вставая с дивана. – Я полагала, что еду на встречу профессионалов и...

– Ничуть, – перебил меня Ладыгин.

Я с удивлением уставилась на него.

– Мы пригласили вас как специалиста в области ювелирного искусства. Нам понадобится ваше мнение, когда мы найдем драгоценности, – он сделал небольшую паузу и добавил: – Если, конечно, они отыщутся.

Мне нечего было возразить. «Посмотрю хотя бы дом», – подумала я.

В небольшом автобусе, в котором мы должны были добраться до виллы, Ладыгин сел рядом со мной.

– А если эти драгоценности уже давно найдены? – спросила его я.

Ладыгин отрицательно покачал головой.

– Вы так уверены? – удивилась я. Он улыбнулся мне в ответ.

Я отвернулась к окну.

– Чем вы занимаетесь? – поинтересовалась я через некоторое время.

Ладыгин сразу же понял смысл моего вопроса.

– Вообще-то я юрист, но фирма, в которой я сейчас работаю, занимается оказанием вот таких не совсем обычных услуг.

– Скажите, а вы действительно верите, что экстрасенсы могут находить клады? – стараясь, чтобы мой голос не был услышан людьми, обладавшими сверхъестественными способностями, спросила я.

– Мои клиенты попросили меня задействовать всё, что только может поспособствовать успеху, – так же тихо ответил он мне.

Пока ехали в горы, я смотрела в окно, наблюдая за тем, как наш автобус поднимается по узкой спиралевидной дороге все выше и выше, отчего казалось, что мы приближаемся к небу. Наконец мы приехали.

Вилла представляла собой красивое двухэтажное строение из белоснежного мрамора, как и все здешние дореволюционные постройки. Хорошая сохранность здания объяснялась тем, что после революции эта собственность княгини Белореченской почти семьдесят лет принадлежала партийному руководству, затем руководство поменялось, однако принадлежность осталась: простые люди здесь никогда не жили. Вилла надежно была укрыта от любопытных

глаз не только благодаря своему месторасположению – она находилась высоко в горах, – но и тщательной охране. Полгода назад ее приобрел бизнесмен, много лет просидевший в Думе.

Нынешний владелец любезно встретил нас на крыльце и провел в свои апартаменты. В просторном холле возле одной из стен висела куча старых вещей, среди которых выделялась железная кровать на колесиках с высокой спинкой. «Вот, нашел на чердаке, хочу теперь отреставрировать», – показал рукой на хлам хозяин и улыбнулся. Несмотря на всю его доброжелательность, я уловила в глазах владельца изрядную долю скептицизма, на что украдкой указала Ладыгину. «Да, – согласился с моим наблюдением он, – и это неудивительно: хозяин сам, когда приобрел эту виллу, не поленился тщательнейшим образом исследовать ее».

Вилла восхищала как снаружи, так и внутри. Она еще не была, как следует, обставлена мебелью, за исключением, может быть, двух-трех комнат. Вся отделка: панели, лепнина и росписи на потолке, а также лестница, ведущая на второй этаж, – сохранились просто великолепно. На первом этаже одна из комнат представляла собой что-то вроде домашнего музея, хотя всю виллу можно было смело назвать этим греческим словом. В этой комнате находились чертежи постройки здания, висели дореволюционные литографии с изображением виллы, а на круглом столике, чья крышка была инкрустирована перламутром, лежала небольшая книжка. Это был сборник стихов «Ветви дуба», изданный в тридцатые годы в одном из берлинских издательств и представлявший собой репринтное издание начала девяностых. Судя по этой комнате, можно было понять, что теперешний хозяин гордится историей здания, которое ему отныне принадлежало.

Ладыгин и его помощники поднялись наверх, мы же остались внизу в ожидании, когда настанет наш час. Пока экстрасенсы пили чай в столовой, я пребывала в музейной комнате, рассматривая чертежи и листая поэтический сборник. Когда же я заглянула в столовую, то увидела Ладыгина, который не без некоторого разочарования сообщил, что проверка стен, потолка и пола ничего не дала, так что теперь настала очередь обладателей сверхъестественных способностей.

Мы поднялись на второй этаж, и экстрасенсы сразу же развернули бурную деятельность. Кто-то, усевшись на пол, зажег свечи и принялся раскладывать карты, кто-то рассыпал в воздухе какую-то золотистую пыль или размахивал широким пером, изредка окуная его в чашу с водой. Петух, молчавший до этого, принялся безостановочно кукарекать. Его хозяин, держа птицу за веревочку, которая была привязана к одной из ее лап, самым внимательнейшим образом прислушивался к пению своего подопечного, видимо, стараясь распознать в нем некие указующие знаки.

Пахло ладаном и прочими благовониями, горели свечи, раздавались странные звуки. Я еще ни разу не была свидетелем столь фантастического зрелища. Мне казалось, что я попала в цирк, где представление дают разом все его артисты. Одна из брюнеток, бросив карты, прошла мимо меня и Ладыгина, стоявшего рядом, и заперлась в ванной комнате. Через несколько минут до нас донесся ее голос, она вызывала дух Есенина.

– Но почему именно Есенина? – тихо поинтересовалась я.

– Не знаю, – растерянно ответил Ладыгин. – Может быть, они были знакомы с княгиней по Петербургу? – предположил он.

– Сомневаюсь, – пробормотала я.

Спустя несколько часов, несмотря на изрядное количество обгорелых спичек и оплавившихся свечей, стало ясно, что и экстрасенсы оказались бессильны в обнаружении княжеских драгоценностей.

– Что ж, мы сделали все, что могли, – развел руками Ладыгин.

Хозяин виллы, который с не меньшим любопытством, чем я, наблюдал за происходящим, пригласил изрядно подуставших обладателей необычных способностей снова подкрепить свои силы перед тем, как мы отправимся в обратный путь.

Все вернулись в столовую и в полном молчании принялись дружно поглощать новые горы бутербродов с копченой семгой, ветчиной и сыром. Петух, вновь водворенный в клетку, молчаливо поклевывал зерна, не издавая ни единого звука. Я налила себе из большого термоса, стоявшего на краю стола, чашку травяного чая и принялась неторопливо пить, наслаждаясь его ароматом, как вдруг звякнуло блюдо. Брюнетка, та, что закрывалась в ванной комнате, а теперь сидела напротив меня, вперила в меня свои темные зрачки и заговорила низким голосом:

– Он здесь! Я вижу, вижу его. Не шевелитесь!

«Не иначе наконец-то дух Есенина пожаловал», – мысленно предположила я.

– Видимый мир есть мир невидимый. Он ближе, чем кажется. Ты видишь и не видишь, хотя ты смотришь. Ты видишь и не видишь, хотя смотришь. Ты видишь и не видишь, так посмотри же! – прокричала гробовым голосом брюнетка, а затем обессилено откинулась на спинку стула и, закрыв глаза, неподвижно замерла. Все, кто сидел за столом и с немим изумлением наблюдал эту сцену, уставились на застывшую брюнетку в ожидании, когда та придет в себя, но этого все никак не происходило. Первым встрепенулся хозяин, за ним остальные кинулись к брюнетке, чтобы привести ее в чувство.

Воспользовавшись суматохой, я выскользнула в коридор и прощальным взглядом окинула его стены. Несмотря на нового владельца, на вилле все еще сохранялся запах старины, той – прежней. Медленно бредя по коридору, я дошла до самой дальней комнаты и, открыв ее, вошла внутрь.

Я оказалась в довольно просторной комнате, единственным украшением которой, не считая деревянных панелей из бука и затейливо украшенных карнизов, были два больших зеркала, высотой с человеческий рост. Зеркала располагались по обе стороны от входной двери немного непривычным образом: они закрывали углы. Присмотревшись, я увидела, что они были включены в интерьер комнаты несколько позднее остальной отделки стен.

«Несомненно, такое расположение зеркал удлинит и расширяет комнату, – подумала я, – но ведь она и без этого достаточно широка и просторна и уж точно не была предназначена для балов и приемов в самом конце крыла. Тогда для чего?» В моей голове неожиданно зазвучали слова брюнетки, сказанные за столом: «Ты видишь и не видишь, хотя смотришь, ты видишь и не видишь, видишь и не видишь...».

В это время скрипнула дверь, и в комнату вошел Ладыгин.

– Первый раз вижу такое странное расположение зеркал под углом, – произнес он, оглядевшись.

Я молчала, не переставая смотреть на зеркала, в которых отражался старый, но все еще крепкий, могучий дуб. В комнате царил полумрак. День близился к завершению. Листья дуба едва шевелились на ветвях. Неожиданно в зеркала ударили лучи света. Стало невероятно светло. Зеркальная поверхность заиграла веселыми бликами, заискрилась мириадами огоньков. По потолку весело заскользили тени. «Ну, конечно же, – подумала я, зачарованно следя за игрой света, – это его спальня».

– Мне нужна ваша помощь, – сказала я Ладыгину, направляясь к двери.

Когда мы пришли в столовую, принесся сверток, и, развернув ткань, достали шкатулку из серебра, воцарилась глубокая тишина.

Через некоторое время одна из брюнеток произнесла высоким голосом:

– Это что, розыгрыш?

– Нет, – ответил Ладыгин и поставил шкатулку на обеденный стол, затем он вынул из свертка бархатный мешочек и достал из него небольшой серебряный ключ.

Сопровождаемый прежним молчанием, Ладыгин медленно и осторожно вынул из шка-тулки сначала парюру⁴1, включавшую бант-склаваж⁵2 и серьги-жирандоли⁶, отделанные изу-мительной синевы сапфирами, потом тиару⁷, украшенную рубинами, золотую фероньеру⁸ с черным бриллиантом, а также корсажную брошь в виде цветочного букетика с александритами, аквамарины и бриллиантами. Последней вещью в шкатулке оказался жемчужный воротник. Почти все украшения – работы не позже начала девятнадцатого века.

– Нет, и все-таки то, что вы сделали, – это просто фантастика! – качая головой, произнес Ладыгин, когда мы уже ехали в автобусе, возвращаясь в город.

– Да нет здесь никакой фантастики, – улыбнулась я. – Все дело в книге да в зеркалах.

– В какой еще книге? – удивился он.

– У княгини Белореченской было четверо детей: три дочери и сын, – сказала я. – Сын в пятнадцатом году был тяжело ранен и контужен на полях Галиции. Стремясь поправить его здоровье, княгиня перевезла его сюда, в Крым, на семейную виллу. Юноша не мог ходить, так как был прикован к постели. Его спальня находилась на первом этаже, в дальней комнате. Вилла, как вы сами видели, располагается далеко от города. Соответственно посетителей на ней было немного. А мальчик очень хотел жить, ведь ему было всего девятнадцать лет. Страдая от ран, он начал писать стихи. К сожалению, юг ему не помог. Он умер. В память о единствен-ном сыне, княгиня издала сборник его стихов. Тираж, по нашим меркам, очень скромный – всего пятьдесят экземпляров; он предназначался только самым близким, друзьям и родствен-никам. Спустя годы, этот сборник, находясь в эмиграции, в Берлине, переиздала сестра юноши, младшая дочь княгини. Вот благодаря этому сборнику я и предположила, где могут находиться драгоценности.

– И не ошиблись, – улыбнулся Ладыгин.

– Позвольте, но та же самая книжка имеется и у нынешнего владельца, – неожиданно послышался голос одного из экстрасенсов, что сидел сзади нас. – Что помешало ему отыскать сокровища Белореченских?

– Верно, – обернулась я, – у него она есть, но в этом репринтном издании отсутствует предисловие, которое есть в посмертном сборнике. Видимо, берлинский издатель в силу каких-то причин не посчитал нужным его оставить. В этом все и дело. Предисловие было написано самой княгиней. В нем она написала, как ее дети за неимением близких соседей составляли друг другу компанию для игр, когда приезжали летом на виллу. В детстве самым любимей-шим их развлечением была игра в разбойники. Они зачитывались пушкинским «Дубровский». Если вам знакомо это произведение, то вы должны помнить старый дуб, в чьем дупле Маша Троекурова оставляла записки для Дубровского. Детям не составило труда разыскать подобное дерево в собственном саду. Оно росло прямо под окном комнаты брата и имело подходящее дупло, в котором они оставляли не только записки, но и игрушки, книги и прочие вещи. В дни смертельной болезни сына княгини дуб стал источником его размышлений и мыслей, вылив-шихся в стихи, одним из его последних, пусть и немых, собеседников, с которым он мысленно вел диалог, глядя в угловые зеркала своей комнаты. Вот почему они так расположены, ведь хозяин комнаты не мог ходить, будучи прикованным к кровати. В часы заката и рассвета он мог смотреть в зеркала, чтобы увидеть мир за окном, увидеть свой дуб. В дупло этого дуба мать

⁴ 1 Парюра – набор одинаково оформленных ювелирных украшений.

⁵ 2 Бант-склаваж – ювелирное украшение в виде банта, предназначенное для ношения на шее.

⁶ Серьги-жирандоли – серьги в виде трех подвесок.

⁷ Тиара – разновидность украшения для головы, похожая на диадему.

⁸ Фероньера – лента или обруч с драгоценным камнем, надеваемый на лоб.

с младшей дочерью и спрятали самые ценные украшения, искусно замазав отверстие садовым варом.

– Странно, что они не решили их взять с собой, – удивился экстрасенс.

– Здесь нет ничего странного, – пожала плечами я. – Как и большинство эмигрантов, они надеялись вернуться. Они не верили, что происходящее в России надолго. К тому же украшения, оставленные ими, довольно объемной формы; их не спрячешь под подкладку, как кольца, а они, как я полагаю, не хотели портить свои украшения, вынув из них камни и разломав на части.

– Но как вам удалось разыскать настоящую книгу? – с подозрительными нотками в голосе воскликнула одна из брюнеток. К тому времени уже весь автобус прислушивался к нашему разговору. – Вы ведь никуда не отлучались с виллы.

– Я нашла ее накануне. В музее, – улыбнулась я, – точнее, в книжном шкафу. Сотрудники музея были так добры, что даже разрешили мне подержать ее в руках.

На следующее утро по дороге в аэропорт обе брюнетки потребовали, чтобы автобус остановился возле какого-нибудь пляжа. Им необходимо было на утреннем рассвете промыть морской водой свои энергетические каналы.

– Это что-то вроде профилактики, – авторитетно пояснил мне владелец петуха, – чтобы связь с Вселенной стала лучше.

Никто против этого возражать не стал, к тому же времени до отлета оставалось предостаточно. Все вышли из автобуса и устремились к безлюдному пляжу. Переодевшись в одной из кабинок, я с удовольствием сделала пару заплывов и вышла на берег. Сидя на небольшом валуне и греясь под лучами постепенно набравшего силу солнца, я смотрела вдаль, прощаясь с морем. Неожиданно ко мне подошел Ладыгин и, присев напротив меня, протянул мне свою ладонь, на которой лежал небольшой хризолит.

– Возьмите от меня на память, – произнес он, – ведь это... ваш любимый камень.

Я не могла скрыть своего удивления.

– Откуда вы узнали, что это мой любимый камень? – недоверчиво спросила я.

– Предположим, я умею читать мысли, – улыбнулся он.

– Надо же, как мне повезло, – ответила я, беря хризолит и принимаясь любоваться его красотой. – Менталист, да еще и фокусник.

– Фокусник? – делано удивился Ладыгин.

– Ну а кто же еще, – пожала плечами я. – Хризолиты, как говорится, не водятся в здешних краях. Эти «вечерние изумруды» можно найти в Красноярском крае или в Якутии, то есть довольно далеко от Крыма. Ну, если только вы не обладаете способностью перемещаться в пространстве...

– Способности у всех действительно разные – это я заметил еще вчера, пообщавшись с вами, – засмеялся Ладыгин. – Но... пусть это останется моим маленьким секретом. И вот еще... – Он достал из кармана рубашки фотографию. – Вы уж простите меня за мое тогдашнее поведение в музее.

На снимке, который он отдал мне, я была запечатлена в тот самый момент, когда смотрела в цветаевское зеркало. Вид у меня при этом был довольно глупый. Я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

– Как сказал один из моих помощников, иногда полезно заглядывать в музей, – произнес Ладыгин.

– И не только, – ответила я и посмотрела в его смеющиеся светло-синие глаза.

Кстати, он уже не казался мне неприятным типом.

Страсть

Этот сентябрьский день обещал удачу. Так, по крайней мере, думала я, торопливо обходя лужи после недавнего дождя, и на это у меня имелись определенные основания.

Во-первых, мне удалось созвониться с Ольгой Арнольдовной Забелиной, владелицей коллекции фарфоровых кукол, которая пообещала мне дать интервью. О ее коллекции еще пару месяцев назад мне рассказала моя давняя знакомая, с которой мы случайно столкнулись у входа в издательство. Во-вторых, это самое издательство выплатило мне гонорар за книгу о геммах и камеях. В-третьих, полученный гонорар я собиралась потратить на одну замечательную камею-брошь, на которую вот уже несколько месяцев назад положила глаз и которая дожидалась меня в небольшом антикварном магазине, куда я и направлялась. Мне оставалось лишь сесть в трамвай и проехать ровно три остановки, что я и намерена была сделать, так как нужный мне номер уже распахнул передо мной свои дребезжащие двери. Едва я успела расплатиться за проезд, как кто-то тронул меня за рукав плаща. Я оглянулась и увидела Елену Сергеевну Кривицкую. Елена Сергеевна до ухода на пенсию была главным редактором журнала, для которого я время от времени писала статьи, посвященные коллекционерам.

– Добрый день, Алла, – улыбнулась она.

– Добрый день, – улыбнулась в ответ я и обратила внимание на хозяйственную сумку внушительных размеров, которую Елена Сергеевна держала на коленях.

– Да вот внук в гости приехал, – объяснила она, перехватив мой взгляд. – С центрального рынка возвращаюсь.

«Странно, школьные каникулы закончились две недели назад», – подумала я, однако прозвонил:

– Очень рада за вас, Елена Сергеевна.

– А вы как в наших краях? Должно быть, по делам?

Я лишь успела кивнуть, так как в этот момент трамвай так неожиданно и резко дернулся, что я едва удержалась на ногах. Какой-то мужчина, сидевший через проход, уступил мне свое место. Продолжать разговор стало затруднительно; к тому же Елена Сергеевна вскоре попрощалась со мной и направилась к выходу.

Я вышла на нужной мне остановке, прошла пару улиц, перебежала через дорогу и толкнула белую пластиковую дверь. Мелодично прозвенели дверные колокольчики. Я торопливо подошла к витрине и... застыла. Камеи не было.

Не веря своим глазам, я смотрела на то самое место, где еще неделю назад меня дожидался прекрасный образец итальянского искусства конца семнадцатого века – девушка с цветком. Мне даже не столько нравилась сама девушка, сколько оправа, в которую она была заключена. Однако теперь на месте камеи преспокойным образом лежала брошь, ничего особенного из себя не представлявшая.

Но куда же, куда могла подеваться «моя» камея?! Я с трудом оторвала взгляд от витрины и растерянно посмотрела на продавца, подошедшего ко мне.

– А-а... где же... тут... – начала бормотать я, однако продавец сразу же понял суть моего маловразумительного лепета.

– К сожалению, эту камею только что приобрели, – произнес он и глазами показал в сторону.

Повернув голову, я увидела светловолосого мужчину в длинном плаще, которому кассир отсчитывала сдачу.

Не раздумывая ни секунды, я подошла к незнакомцу.

– Простите, это вы только что купили камею? – обратилась к нему я.

– Да, – удивленно ответил он.

– Не могли бы вы уступить ее мне?

Мужчина внимательно посмотрел на меня, а затем отрицательно покачал головой.

– К сожалению, нет, – произнес он. – Это подарок.

Затем он вежливо кивнул мне на прощание и направился в сторону выхода.

Я с трудом сдерживала слезы, глядя ему вслед.

«Ну что ж, нет, значит – нет», – пытаюсь справиться с постигшим меня ударом, подумала я, выходя из магазина.

Постояв возле магазина еще какое-то время, как будто в надежде, что непреклонный покупатель, перехвативший у меня камео, вдруг изменит свое решение и вернется – чего, однако, так и не произошло, – я медленно побрела в сторону остановки, от расстройства совершенно не замечая падавших с неба дождевых капель.

Наконец я очнулась и подняла глаза вверх. Небо было темно-серого цвета. Вдруг яркая молния длинным зигзагом разрежала его прямо над моей головой. Я вздрогнула и, торопливо глядя по сторонам, принялась искать место, где можно было укрыться от дождя. Однако по обе стороны от меня возвышались лишь длинные пятиэтажные здания, доверху забранные строительными лесами. Я ускорила шаг, так как поднявшийся ветер принялся толкать меня в спину. В поисках укрытия пришлось свернуть в первый попавшийся крошечный переулок, в котором располагалось какое-то деревянное ветхое строение, а напротив него находился добротный старинный особнячок. В него я и вбежала, подгоняемая дождем. Едва за мной захлопнулась дверь, как тут же с улицы послышался резкий хлопок, а затем и раскат грома.

Особнячок был безлюден. В нем пахло книжной пылью и царил полумрак. Уличный свет проникал через огромное витражное окно, выходившее на площадку между первым и вторым этажом. Потолочный свод слева и справа от входа поддерживали, стыдливо опустив голову, изящные кариатиды. Держась за перила, я поднялась по лестнице и оказалась на втором этаже. Здесь было светлее, чем внизу. На площадку выходили три двери. Судя по прибитым на них табличкам, здесь еще недавно располагались читальный зал, кабинет директора и абонемент. «Три двери – три дороги. Как в сказке», – подумала я и для начала заглянула в читальный зал. Он был огромен и пуст, а его пол весь усеян старыми газетными страницами и обрывками бумаг. На одном из подоконников лежало несколько книг. Второй зал своими размерами соответствовал первому и был также пуст.

Третья комната, значившаяся кабинетом, оказалась совсем небольшой; в ней не было окон, зато она была отделана дубовыми панелями, а одну из стен украшало большое, до пола, зеркало в резной раме. Нашупав на стене выключатель, я нажала на него. Слабый свет тускло озарил комнату. «Ренессанс, причем поздний», – машинально отметила я, приблизившись к зеркалу, чья поверхность была покрыта тонким слоем пыли. Но откуда здесь взялась такая красота? Неужели сохранилась в составе интерьера? Это было просто поразительно. Такие вещи в наши дни встречаются не часто.

Неожиданно внизу громко хлопнула дверь, а затем через некоторое время кто-то стал подниматься по лестнице. Должно быть, такой же, как и я, прохожий, решил переждать дождь в этом старинном особнячке.

Шаги приближались. Я повернула голову и вздрогнула. На пороге стоял тот самый человек, что некоторое время назад лишил меня возможности стать владелицей чудесной камео.

– Вот вы где, – улыбнувшись, произнес он, – а я-то голову ломал, куда вы подевались.

Я, ничего не отвечая, принялась старательно изучать зеркало, точнее, его раму.

– Ну не сердитесь на меня, – приблизившись ко мне, сказал незнакомец. – Я действительно не могу уступить вам эту брошь. Я обещал. Это подарок.

Глядя в зеркало, я увидела, как он достал из кармана плаща маленький прямоугольничек и протянул его мне.

– Возьмите, – произнес он. – Это визитка моего школьного друга Андрея Сухарева. Он ювелир в третьем поколении. На днях закрывается выставка, где представлены работы Андрея, а также его отца и сестры. Сходите, не пожалеете.

Несмотря на то что этот человек так расстроил меня, я – не знаю, почему – взяла протянутую им визитку. Он снова улыбнулся.

– Не расстраивайтесь, прошу вас. Вы найдете брошь еще красивее этой.

Да что он понимает в этом! От возмущения я передернула плечами и хотела произнести что-нибудь колкое или язвительное, но незнакомец уже спускался по лестнице, так что мне вновь пришлось довольствоваться лишь его спиной.

«Да я не пойду ни на какую выставку, – сердито подумала я. – Уж лучше стоять в одиночестве здесь и рассматривать зеркало, точнее, его резную раму, и восхищаться утонченной работой».

Я ласково коснулась пальцами лица амура, прятавшегося в завитках винограда и насмешливо глядевшего оттуда на меня. В тишине отчетливо слышался лишь стук барабанившего по крыше дождя. Вскоре он прекратился.

Выйдя на улицу, я бросила прощальный взгляд на приютивший меня особняк. Это было удивительное здание: своими белоснежными башенками и двумя окнами-эркерами на первом этаже оно напоминало сказочный домик, чудесным образом затерявшийся среди однообразных серых зданий.

Следующее утро началось со звонка Ольги Арнольдовны, пригласившей меня в гости, чтобы познакомиться с ее коллекцией. Мой визит был назначен на ближайший субботний вечер. Судя по адресу, Забелина жила на углу той самой улицы, где располагался антикварный магазин, в котором я потерпела неудачу. Я обрадовалась приглашению Забелиной, что тут же сказалось на моем настроении. Вчерашнее огорчение уже не казалось мне столь невыносимым, каким оно представлялось накануне. Я даже решила вознаградить себя по дороге на работу покупкой какой-нибудь новой книги. Поднявшись по ступенькам на крыльцо ближайшего книжного магазина, я неожиданно нащупала в кармане плаща вместо банковской карты какой-то небольшой прямоугольничек и вынула его. Это была визитная карточка ювелира Андрея Сухарева, на обратной стороне которой имелся адрес выставки. Я развернулась прямо у дверей магазина и отправилась на остановку.

Что ж, выставка не могла не поразить великолепием представленных на ней работ даже такого искушенного посетителя, как я. Семейство Сухаревых работало как с драгоценными, так и с полудрагоценными камнями, но особенно мне понравилось кольцо с пятью изумрудами в изумительно красивой оправе.

– Я почему-то был уверен, что вы придете, – неожиданно услышала я за спиной знакомый голос и оглянулась. Передо мной стоял мой вчерашний недруг, а рядом с ним – темноволосый мужчина.

– Кажется, вам очень понравилось это кольцо, – произнес брюнет. – Мы с Феликсом наблюдали за тем, как вы рассматривали его.

– Я продолжала бы любоваться им и дальше, если бы вы не подошли, – сказала я. – Мне кажется, что, создавая это украшение, автор испытал немалое влияние английских мастеров. Судя по технике работы с золотом и огранке камней в форме кабошона, он поклонник викторианской эпохи.

– Совершенно верно, – кивнул головой брюнет и улыбнулся. – Вот что значит разбирающийся в нашем деле человек. Хотя ничего удивительного в этом нет. На днях я купил вашу книгу, Алла Александровна.

– Наверное, ту, что посвящена камням, – сказала я, поняв, что разговариваю с хозяином выставки, и украдкой взглянула на его спутника, которого звали Феликсом. От меня не

ускользнул тот факт, что этот Феликс слегка покраснел. Что ж, не скрою, я была весьма удовлетворена данным обстоятельством.

– Это кольцо сделано моей сестрой, – тем временем произнес Сухарев. – К сожалению, ее сегодня здесь нет. Она поклонница вашего творчества и до сих пор под впечатлением от того, как вы раскрыли тайну клада княгини Белореченской. Вы доставите мне удовольствие, если примете в подарок вот это самое кольцо с изумрудами, которое привлекло ваше внимание.

При этих словах ювелира я едва не лишилась дар речи.

– Нет-нет, – покачала головой я. – Это слишком дорогой подарок. Я прекрасно представляю его стоимость.

Однако, несмотря на все мои возражения, ювелир продолжал настаивать. Я отказывалась. В наш диалог неожиданно включился тот, по чьей вине я вчера осталась без камен. Он заявил, что покупает кольцо и дарит мне его взамен камен. Этому я уж тем более не могла допустить. Я вынула банковскую карту, на которой лежал мой гонорар за книгу.

– Не люблю, когда мне незаслуженно делают подарки, тем более, такие дорогие, – сказала я. – Покупка кольца с приемлемой для его хозяина скидкой, кажется мне самым лучшим вариантом.

Я вопросительно посмотрела на Сухарева.

– Мне ничего не остается, как согласиться, – весело произнес ювелир.

Вскоре дело было сделано: я стала обладательницей кольца с пятью изумрудами. Я надела кольцо на палец, простилась с ювелиром и, побродив еще некоторое время по залу, покинула выставку. Однако не успела я выйти из магазина, как кто-то окликнул меня.

Я оглянулась и увидела Феликса.

– Предлагаю отметить вашу покупку, – неожиданно предложил он, подойдя ко мне.

Я с удивлением уставилась на него.

– Заодно познакомьтесь с моей бабушкой. Она у меня просто замечательная.

– Не сомневаюсь, – скептически пробормотала я, подумав: «Только бабушки мне еще и не хватало».

Я собиралась решительно распрощаться, однако мужчина продолжал осыпать меня уговорами. Мне ничего не оставалось делать, как согласиться. Он немедленно обрадовался и тут же остановил такси. К моему удивлению, выяснилось, что бабушка, к которой мы едем на обед, живет в том же самом районе, в котором находится антикварный магазин. Еще большее потрясение ожидало меня, когда дверь квартиры, в которую позвонил Феликс, открыла Елена Сергеевна Кривицкая. Через плечо у нее было переброшено кухонное полотенце.

Пока я приходила в себя, раздеваясь в прихожей, Елена Сергеевна не переставала восклицать:

– Что за приятная неожиданность! Какой сюрприз! А я и не знала, что вы, Аллочка, знакомы с Феликсом.

– Мы познакомились совсем недавно, – сказала я. – Точнее, вчера.

– Вот как! – растерянно произнесла Елена Сергеевна и потянула край полотенца вниз. Я отвернулась от зеркала, перед которым расстегивала плащ, и замерла: под воротничком блузки Елены Сергеевны красовалась «моя» камен.

– И чем же ты, бабуля, нас накормишь? – быстро произнес внук Елены Сергеевны, заметив мое состояние.

– О, голодными вы точно не останетесь! – весело воскликнула Елена Сергеевна и направилась в кухню.

– Да-да, эту брошь я купил бабушке, – тихо произнес Кривицкий. – Как видите, я вас не обманывал, а бабушка, как и мать, – это святое.

Я молча кивнула в ответ. Кривицкий повел меня в гостиную, в которой уже был накрыт к обеду стол.

Присев в кресло, стоявшее рядом с журнальным столиком, я обратила внимание на раскрытый журнал, лежавший на его поверхности. По пожелтевшим страницам было ясно, что этому журналу немало лет. Меня привлек заголовок, набранный крупными буквами: «Конец банды Лаврова». Кривицкий тем временем устроился по другую сторону от меня.

– Интересуетесь криминальной хроникой? – насмешливо спросила я, кивнув на журнал.

– Интересуюсь, – улыбнулся он и закрыл журнал. – Эта банда действовала в годы войны.

– Судя по заголовку, она закончила свое существование, – заметила я.

– Верно, – согласился он.

В это время в комнату вошла Елена Сергеевна, держа в руках супницу, от которой исходил вкусный аромат.

– Прошу к столу, – произнесла она, и мы поднялись со своих мест.

За обедом я невольно бросила взгляд на камео, украшавшую блузку Елены Сергеевны.

– Подарок Феликса, – довольно улыбаясь, произнесла Елена Сергеевна, перехватив мой взгляд. – Вы, Аллочка, даже не представляете, какую радость он мне этим подарком доставил.

– Нет, отчего же, – пробормотала я, – могу представить.

– Ведь эта камео – наше фамильное украшение. Она принадлежала моей маме, а ей брошь подарили на совершеннолетие родители, – сказала Елена Сергеевна и, отстегнув камео от блузки, протянула ее мне. – Взгляните на орнамент. На эти цветочки, в которые вставлены голубые алмазы. Первоначально они были обычными, бесцветными, но потом моя бабушка решила усовершенствовать украшение и попросила ювелира заменить их на голубые, под цвет глаз дочери, что и было сделано. Во время войны эта камео была у нас украдена, но на днях благодаря моему любимому и единственному внуку она вернулась в дом.

– Надо же, – покачала головой я. – Впрочем, со многими драгоценностями такое случается, особенно если они представляют собой настоящее произведение искусства, а ваша камео не исключение.

– Вы правы, Аллочка, – кивнула Елена Сергеевна. – Это просто удивительная история, произошедшая с нашей семьей. В войну нам, как и многим, пришлось нелегко. Был период, когда мы едва не умерли от голода. Однажды у бабушки украли все карточки, поэтому на семейном совете было решено продать украшения. Правда, их было немного – с большей частью расстались еще в девятнадцатом году, тогда ведь тоже очень голодали. Но встал вопрос: кому их продать. На рынок идти боялись – вдруг обманут. В скупке за драгоценности давали немного. Старшая сестра моей мамы работала в то время костюмером в театре; одна из актрис как-то в разговоре с ней обронила, что продала за очень хорошую цену старинное кольцо с рубином. Человек, купивший у нее это кольцо, намекнул, чтобы она приносила еще: мол, он за ценой не постоит. В общем, тетушка спросила у актрисы адрес этого покупателя. Выяснилось, он живет неподалеку от нас, так что я упростила тетушку взять меня с собой. Мне тогда лет пять было, а я еще с собой и куклу прихватила, которую мне незадолго до войны, подарила на день рождения бабушкина кузина. Когда-то она привезла ее из свадебного путешествия, которое они с мужем провели за границей. Это была невероятно красивая кукла. Блондинка, в пышном зеленом платье, с золотистым поясом-шнурком. Я ее, как помню, из рук не выпускала. Вот такой компанией мы и отправились к покупателю драгоценностей.

Поднимаясь по лестнице дома, где он жил, мы неожиданно столкнулись с нашей соседкой Ядвигой Яковлевной. Мы с тетушкой предположили, что Ядвига Яковлевна шла от своих знакомых или родственников.

В прихожей нас встретил мужчина приятной, я бы даже сказала, красивой наружности, лет тридцати, наверное, а может быть, чуть больше, а следом за ним в прихожую выбежала молоденькая девушка, очень хорошенькая, темноволосая, синеглазая и сразу же уставилась на мою куклу. Глаз с нее не сводила. Тетя же моя в это время показывала хозяину квартиры то, что мы принесли, а принесли мы с ней браслет и серьги с бриллиантами. Торговаться тетушке

не пришлось. Мужчина действительно оказался щедрым и согласился на все ее условия, а, рассчитавшись, тут же начал выпрашивать, есть ли у нас еще драгоценности. Тетушка ответила, что нет. Она не солгала. Больше у нас ничего не было, за исключением лишь этой камеи. Дело в том, что на семейном совете было решено расстаться с камеей лишь в самом крайнем случае. Случайно или нет, но через несколько дней наша квартира и квартира нашей соседки Ядвиги Яковлевны были ограблены. У нас были украдены все деньги, которые мы получили за проданные украшения, а также камея, которая хранилась у мамы в шкатулке, и... моя кукла. Нас во время кражи дома не было – мы были в театре, а вот соседке нашей не повезло. Ядвигу Яковлевну нашли с перерезанным горлом. Причем она, как я поняла из случайно услышанного разговора взрослых, сопротивлялась грабителям. В некоторой степени я ее понимаю: она всю жизнь была любительницей красивых и дорогих вещей. Муж ее был известным стоматологом – он умер незадолго до начала войны, у него лечили зубы все городские знаменитости, так что зарабатывал он весьма неплохо. Вот только в войну трудно Ядвиге Яковлевне пришлось: она же никогда не работала, так что тоже начала потихоньку распродавать свое имущество.

Весной маму перевели на работу в другой город, а вскоре после нашего отъезда тетюшка написала нам, что в кражах и убийстве соседки виноват тот самый мужчина, что купил у нас драгоценности. Он оказался главарем банды. И эта актриса из театра, которая рассказала тетюшке о щедром покупателе, тоже была с ним связана. Она ему подыскивала клиентов, а заодно давала и их адреса. В общем, была, как это у них, у преступников, называется... – Елена Сергеевна задумалась.

– Наводчицей, – улыбнулся ее внук. – Она находила людей, у которых имелись ювелирные украшения, антиквариат и прочие ценные вещи.

– Да-да, – кивнула Елена Сергеевна, – но я до сих пор не могу понять, почему они навелись к нам, ведь тетюшка ясно дала понять, что у нас больше ничего нет.

– Ну, в этом нет ничего удивительного, – пожал плечами Феликс Кривицкий и снова улыбнулся. – Большинство преступников очень недоверчивые люди.

«Откуда такие познания о криминальном мире?» – мысленно удивилась я.

– Кстати, одному из членов банды, как написала тетюшка, некому Жорке удалось ускользнуть, – произнесла Елена Сергеевна. – Причем исчез он с самой ценной частью награбленного. Но каково же было мое удивление, когда после стольких лет я обнаружила нашу камею в нашем антикварном магазине! Я глазам своим не поверила и попросила продавца показать ее мне. Вы не находите, Аллочка, что самое интересное в этой камее заключается не столько в драгоценных камнях, которыми она украшена, сколько в оправе.

– Вы правы, Елена Сергеевна, – согласилась я. – Не часто встретишь столь изумительный орнамент.

– Да, – обрадовалась Елена Сергеевна, – этот растительный узор и составляет всю ее прелесть. Что скажешь, Феликс?

– Я плохо разбираюсь в таких тонкостях, – уклончиво ответил Кривицкий. – Гораздо интереснее я нахожу другое обстоятельство.

– Какое? – удивилась Елена Сергеевна.

– Каким образом эта камея оказалась в этом городе.

– Это свойственно многим драгоценностям – возникать из ниоткуда и исчезать в никуда, – заметила я.

– Надеюсь, наше семейство слишком утомило вас, – сказал, провожая меня, Кривицкий.

– Ну что вы, – улыбнулась я, – Елена Сергеевна не может утомить.

– Вы сказали «Елена Сергеевна», а что насчет меня?

Я пожала плечами:

– Насчет вас я не могу быть столь уверенной, ведь я вас совсем не знаю.

– А как же обед?

– Один обед не в счет.

– Ну так давайте это исправим! – рассмеялся Кривицкий. – Что вы делаете в субботу вечером?

– В субботу вечером я занята.

– И чем же?

По выражению его смеющихся глаз я видела, что он не верит мне.

– Иду на встречу к Ольге Арнольдовне, – сказала я и протянула руку на прощание, увидев, что к остановке подъезжает мой автобус.

– Что значит встреча с какой-то Ольгой Арнольдовной по сравнению с возможностью провести субботний вечер с одним симпатичным и весьма интересным мужчиной, – понизив голос, произнес Кривицкий и добавил: – Мне кажется, что в привлекательности мне отказать нельзя.

– Вам верно кажется, – улыбнулась я, – но встреча с Ольгой Арнольдовной, владелицей коллекции фарфоровых кукол сулит мне намного больше, чем субботний вечер, проведенный даже с таким привлекательным мужчиной, как вы.

Кривицкий неожиданно замер, глядя на меня, затем открыл рот, видимо, для того, чтобы опять возразить мне, но я уже вскочила на ступеньку закрывавшего двери автобуса.

Ольга Арнольдовна оказалась приятной дамой лет шестидесяти. Я уже знала, что она работает заведующей родильным отделением и ценится в городе как хороший специалист. Одна из комнат ее довольно большой и хорошо обставленной квартиры целиком занимала коллекция фарфоровых кукол и всего, что относится к этому миру.

– Это моя страсть, – произнесла Ольга Арнольдовна, подводя меня к одному из стеллажей, на полках которого стояли куклы, одетые в костюмы восемнадцатого века. – Не знаю, будет ли она когда-нибудь утолена. Все время хочется купить что-нибудь еще более красивое и интересное. Хотя, честно вам признаюсь, я несколько раз пыталась бросить это столь затратное занятие. Даже давала себе зарок, но... все напрасно. В общем, я поняла, что не в силах противостоять этому искушению. – Ольга Арнольдовна показала рукой на куклу в зеленом платье с поясом. – Вот причина моего недуга. Именно с нее все и началось. Вообще-то это не моя, а мамина кукла, но с детских лет она принадлежала мне. Именно мама назвала ее Марией.

– Наряд этой куклы действительно напоминает эпоху Марии. Марии Тюдор, – сказала я, тем временем обратив внимание на кукольный дом-особняк. В этом особняке в деталях была представлена жизнь ушедшей эпохи: крошечные георгианские кресла в гостиной, белоснежный спальный гарнитур, украшенный тонкой резьбой и отделанный золотом, фарфоровая посуда на кухонных полках – все вызывало восхищение своим превосходным исполнением. Даже детская не уступала в оформлении другим комнатам. Оставалось лишь только восхищенно качать головой.

– А это мое последнее приобретение, – воскликнула Ольга Арнольдовна, заметив мой интерес к особняку. – Ради него моей маме даже пришлось пойти на серьезную жертву.

– Вот как!

– Честное слово! – Ольга Арнольдовна всем своим видом в этот миг напоминала мне школьницу.

– Я вам верю, – засмеялась я. Ольга Арнольдовна вслед за мной тоже расхохоталась от души.

Наш смех прервал телефонный звонок. Звонил сотовый телефон, который Ольга Арнольдовна все это время – с момента моего прихода – держала в руках.

– Извините, важный звонок от одной из моих пациенток. У нее очень сложно протекает беременность. Я вас оставлю ненадолго, – извиняющимся тоном произнесла Забелина и вышла из комнаты.

Я осталась одна и принялась изучать полки, точнее, их содержимое. Больше всего меня занимала фарфоровая миниатюра. Крошечные комодики, столики со стульчиками, столовые сервизы, гладильные доски и швейные машинки поражали своими невероятно маленькими размерами и хрупкостью. Ольга Арнольдовна оказалась владелицей не только старинного особняка, но и уютной кондитерской, аптеки, пекарни, магазина женской одежды и даже ювелирной лавки. Мой взгляд задержался на последней. Ее содержимое могло потрясти любое воображение. Десятки, нет, сотни миниатюрных украшений заполняли это торговое заведение. Фарфоровая дама – я приняла ее за покупательницу – перед напольным зеркалом примеряла жемчужное ожерелье. Неподалеку от нее стоял хозяин лавки и, чуть склонившись вперед, держал в руках открытую бархатную коробочку, в которой, видимо, и хранилось это ожерелье. Глядя на эти фигурки, я неожиданно почувствовала, что какое-то странное оцепенение постепенно охватывает меня. Не в силах пошевелиться и не в силах оторвать взгляд от этой кукольной комнатки, я вдруг увидела, как она принялась разрастаться в размерах, а все предметы, находившиеся в ней, увеличиваться. Неожиданно я оказалась рядом с куклой-покупательницей и с ужасом увидела, что она одного роста со мной. Кукла обернулась и улыбнулась мне. Хозяин сделал шаг назад и согнулся еще ниже. Внезапно голова куклы дернулась и отвалилась. Жемчужное ожерелье тут же упало с шеи. Жемчуг с гулким грохотом рассыпался по полу, а из шеи забил настоящий фонтан крови, который мгновенно залил все витрины и полки ювелирного магазина.

Кровавые брызги окропили мое лицо. Голова моя закружилась, в глазах все поплыло. Казалось, еще секунда – и я потеряю сознание.

– Что с вами? – вдруг услышала я обеспокоенный голос Ольги Арнольдовны, а затем увидела ее встревоженный взгляд.

– Немного голова закружилась, – ответила я, увидев, что все вокруг меня находится в том же состоянии, что и до ее ухода. – У меня это иногда бывает из-за низкого давления.

– Я вас прекрасно понимаю, – сказала Ольга Арнольдовна. – В молодости я страдала тем же. Хотите таблетку?

– Нет, спасибо, – ответила я. – Уже все прошло.

– Что ж, – сказала Ольга Арнольдовна, – давайте присядем и я отвечу на все ваши вопросы.

Мы перешли в соседнюю комнату, тоже довольно большую и обставленную красивой антикварной мебелью.

– Страсть к коллекционированию передалась мне от мамы, – произнесла Ольга Арнольдовна, показывая на шкафы, заполненные фарфором. Она подвела меня к великолепному гарнитуру в стиле барокко, состоявшему из дивана, двух кресел и мягкого пуфика. – Мама всю жизнь собирает посуду и мебель. Она очень любит красивые вещи, но еще больше она... нет, даже не любит, а обожает... – Ольга Арнольдовна недоговорила, так как насмешливый голос не дал ей этого сделать, произнеся:

– Это просто непростительно, когда дочь рассказывает о слабостях своей матери, не так ли?

Я повернула голову и увидела в дверях гостиной хрупкую пожилую женщину с белоснежными волосами. Она была одета в темно-синее платье и опиралась на трость.

– Mamochka, ну зачем же ты встала! – укоризненно произнесла Ольга Арнольдовна, направляясь к женщине. – Ты же чувствуешь себя сегодня неважно.

Ольга Арнольдовна помогла матери устроиться в одном из кресел. Затем она пододвинула ближе пуфик, чтобы мать могла положить на него больную ногу.

– Меня зовут Галина Григорьевна, – произнесла женщина, обращаясь ко мне, – а вас, благодаря нашему телевидению, я знаю: вы Алла Родионова, известный искусствовед и писатель.

– Ну, если по поводу первого я еще и могу согласиться с большой натяжкой, – улыбнувшись, произнесла я, – то насчет моей известности как писателя вы заблуждаетесь. Я известна лишь ограниченному числу людей, в основном меня знают те, кто понимает и любит искусство.

– Вы правы, понимающих людей в этом деле, впрочем, как и во всяком другом, с каждым днем становится все меньше и меньше, – вздохнув, произнесла Галина Григорьевна. – Ну, так что же ты хотела сказать о моих слабостях? – обратилась она к дочери.

– Почти ничего, – рассмеялась Ольга Арнольдовна. – Я лишь хотела сказать, что ты обожаешь драгоценности, но ради меня тебе пришлось пожертвовать одним из своих самых любимых украшений.

Я еще раньше обратила внимание на синие сапфиры в ушах Галины Григорьевны, которые очень шли ее глазам: несмотря на количество прожитых лет они не потеряли своей синевы.

Мы принялись говорить о коллекции Ольги Арнольдовны, об уходе за ней и о прочих вещах, связанных с коллекционированием. Затем Ольга Арнольдовна предложила выпить чаю и оставила нас с Галиной Григорьевной. Пока дочь готовила чай, мать предложила мне поближе познакомиться с коллекцией ее фарфора. Я с удовольствием принялась рассматривать статуэтки времен барокко и рококо, а также вазы и сервизы не только известных европейских мастеров, но и российского императорского завода. Отдельный шкаф занимали образцы русского авангарда.

– Это супрематизм, – произнесла Галина Григорьевна, увидев, что меня заинтересовал небольшой чайный сервиз, расписанный геометрическими узорами. – Он сделан по эскизам Малевича. Середина двадцатых годов прошлого века. Правда, качество фарфора не очень. Как вы, наверное, уже заметили, он сероват. К тому времени дореволюционные запасы у большевиков закончились, поэтому на заводе пришлось использовать низкопробный материал. Здесь вся ценность заключена в рисунке.

«И все-таки даже такой сервиз стоит немалых денег», – промелькнуло у меня в голове. Словно услышав мои мысли, Галина Григорьевна произнесла:

– Основу этой коллекции заложил мой первый муж, любитель живописи и заядлый коллекционер. Он был архитектором. Надеюсь, мой внук не разбазарит эти сокровища.

«Именно внуки чаще всего так и поступают», – подумала я, отходя от шкафа к камину, на полке которого стояла фарфоровая статуэтка дамы в шляпе и с зонтиком.

– Я обожаю Георгия, хоть он мне и не родной. Он приемный сын моей дочери. Своих детей у нее нет. Да и откуда им взяться, ведь она так и не удосужилась выйти замуж. По-моему, слишком привередничала. Она усыновила сына своей подруги. Та умерла от рака, а муж, с которым они разошлись вскоре после рождения ребенка, уже успел жениться и не испытывал особого желания взять мальчика в свою новую семью. Георгий получил хорошее образование благодаря моему второму мужу, он руководил научно-исследовательским институтом. Вы проходили мимо его корпусов, когда шли к нам. Сейчас, правда, институт перевели куда-то в другое место.

Слушая Галину Григорьевну, я, налюбовавшись фарфоровой дамой, обратила внимание на книгу в тканевом переплете, лежавшую рядом со статуэткой. Ее название, выполненное на французском языке, гласило, что передо мной афоризмы великих людей. Раскрыв книгу, я увидела надпись, сделанную размашистым почерком: «Жорке от папы». «Наверное, эта книга подарена внуку Галины Григорьевны его родным отцом», – предположила я. Мои размышления были прерваны вернувшейся Ольгой Арнольдовной, вкатившей в гостиную чайный столик.

Чай разливала Галина Григорьевна. Передавая мне чашку, она неожиданно произнесла:

– Какое чудесное у вас кольцо.

Я посмотрела на кольцо с изумрудами, купленное у ювелира Сухарева.

– Ну, что я вам говорила? – со смехом воскликнула Ольга Арнольдовна.

– Признаюсь, оно мне тоже нравится – сказала я.

– Это просто изумительная работа, – произнесла Галина Григорьевна, не сводя с кольца своего взгляда. Ее глаза блестели, просто светились невероятным блеском.

– У меня есть парочка великолепных изумрудов, – сказала она. – Мне кажется, это кольцо к ним определенно подойдет.

– Ты имеешь в виду те серьги-кабошоны, что Жорка подарил тебе на юбилей? – произнесла Ольга Арнольдовна.

– Те самые, – ответила Галина Григорьевна. – Может быть, вы продадите мне это кольцо? – обратилась она ко мне. – Назначьте вашу цену. Я торговаться не буду.

Мне почему-то сделалось неловко. Не хотелось обижать эту милую пожилую женщину, вместе с дочерью так гостеприимно принимавшую меня и позволившую познакомиться со своей коллекцией, но в то же время не хотелось расставаться и с кольцом. Оно мне действительно нравилось, хотя я всегда предпочитала украшения с хризолитом. Ситуацию неожиданно разрешил звонок в дверь. Вскоре в гостиной появились двое мужчин лет тридцати, невысоких, но крепко сложенных.

– Георгий, – представила Ольга Арнольдовна мне одного из них, кареглазого шатена. Его спутником оказался их давний сосед по даче. Он приехал по делу, связанному с ремонтом водопровода в дачном поселке, и столкнулся с Георгием возле подъезда. Я поспешила воспользоваться их приходом, чтобы уйти.

Выйдя на улицу из подъезда, я увидела, что уже стемнело. Прохожих почти не было. Улицы в этом районе были довольно плохо освещены. Я прошла мимо уже знакомого антикварного магазина и перешла через дорогу, как вдруг услышала за своей спиной быстрые шаги. Оглянувшись, я увидела две темные фигуры, рассмотреть которые из-за скудного освещения было трудно. Не знаю почему, но недоброе предчувствие охватило меня. Я невольно пошла быстрее, однако прибавили шаг и те, кто шел позади меня. Сердце мое отчаянно заколотилось.

Через некоторое время я снова обернулась и увидела, что мои преследователи исчезли. «Слава Богу, – не без облегчения подумала я. – Должно быть, мне просто показалось». Но едва я перевела дух и успокоилась, как мне навстречу из-за ближайшего угла выскочил темный силуэт.

Мой взгляд лихорадочно заметался по сторонам, однако спрятаться было негде. Ни одной освещенной витрины, ни одного подъезда, куда можно было забежать и позвать на помощь. Справа и слева от меня возвышались лишь одетые в строительные леса безмолвные корпуса института. Неожиданно я увидела знакомый поворот в тупичок, свернула в него и забежала в особняк. Взлетев вверх по лестнице, я увидела, что в кабинете горит свет. «Неужели там кто-то есть?» – с надеждой подумала я, но, увы, в комнате было пусто.

«Что же делать? – подумала я, подходя к зеркалу, которым еще несколько дней назад, пережидая здесь дождь, я любовалась. – В залах спрятаться негде».

Я дотронулась пальцами до лица амура. Мне показалось, что на его губах разлита дьявольская усмешка. В отчаянии я с силой нажала ладонью на купидона. Внезапно раздался громкий щелчок. Я испуганно отпрянула от зеркала, которое отошло от стены, открыв передо мной проем.

Шагнув в темноту, я ухватила за ручку, которая была прикреплена к зеркалу с другой стороны, и потянула ее на себя. Дверь послушно и бесшумно закрылась.

Нет, это было не простое зеркало. Оно было двойным, так что я смогла увидеть своих преследователей, как только они вошли в кабинет. Мои преследователи были одеты в черные куртки с наброшенными на головы капюшонами, но едва они сняли их, как я сразу же узнала этих мужчин. Это был Георгий Забелин, приемный сын Ольги Арнольдовны, и его приятель по даче.

– Ну и где она? – сердито воскликнул Забелин.

– Мы же сами гнали ее в этот дом, – ответил его спутник и вынул из кармана кусок веревки. – Отсюда ей некуда деться.

– Я и сам это прекрасно знаю, – раздраженно бросил ему Забелин. – Моя жена работала здесь. Это ее кабинет.

– Ты хотел сказать, твоя бывшая жена, – неожиданно хохотнул приятель Забелина. – Да, неплохая была девка, пока не стала догадываться, откуда у твоей бабки взялись те серьги с зелеными камушками. Не поверила твоим рассказам, что их хозяйка отдала тебе эти сережки чуть ли не даром, хотя ты так складно врал. Бедняжка в результате оказалась там же, где и их бывшая владелица. Как же все-таки ты ловко придумал бросить их трупы в колодцы деревень, в которых уже давно никто не живет. Как думаешь, через сколько лет археологи найдут эти кости?

– Я сейчас думаю совсем о другом, – сквозь зубы произнес Забелин. – Куда она делась?

– Нет, а все-таки забавно, что полиция тебя даже не заподозрила.

– Моей бабке в прошлом году девяносто стукнуло, – повернувшись к приятелю, насмешливо произнес Забелин. – Знал бы ты, какая у нее по сравнению со мной биография. И ничего, до сих пор даже под подозрением не была. Нет, ну не шапка же невидимка у нее с собой! – с досадой воскликнул он.

– Да ладно, – махнул рукой его спутник и спрятал веревку в карман. – Сдалось тебе это кольцо.

– Ты же прекрасно знаешь, что оно сдалось не мне, – тихо произнес Забелин.

– Какая разница, – пожал плечами его приятель. – Слушай, а, может, ты потерял сноровку? Все-таки целый год прошел.

– Перестань нести ерунду! – оборвал его Забелин и вдруг насторожился: – Что это?

– Ты о чем? – удивился его напарник.

– Шорох. Внизу. Слышишь?

Спутник Забелина недоуменно пожал плечами.

– Это она! Скорее вниз! – скомандовал Забелин и выбежал из комнаты. Его приятель нехотя последовал следом за ним.

Я с облегчением вздохнула, но вскоре опять замерла, со страхом ожидая их возвращения.

Не знаю, сколько прошло времени – мне показалось, целая вечность, но каково же было мое удивление, когда в комнату вместо Забелина и его приятеля вошел Кривицкий и принялся растерянно озираться по сторонам. Следом за ним в комнату вбежал молодой мужчина в куртке и джинсах.

– Товарищ майор, Феликс Николаевич, но я сам видел, как женщина вбежала в этот переулочек, – произнес он умоляющим голосом. – Клянусь вам!

– Да верю я тебе и без клятв, – растерянно ответил Кривицкий. – Я сам проверил все помещения – пусто. Не могла же она раствориться в воздухе. Чертовщина какая-то.

Несмотря на весь страх и ужас, который я только что пережила, мне было немного забавно наблюдать за Кривицким. Но я не хотела больше оставаться в темноте, поэтому, нащупав круглую выпуклость прямо под ручкой, я с силой нажала на нее. Дверь вновь издала щелчок. Кривицкий и молодой человек вздрогнули от неожиданности.

– Я никуда не растворилась. Я здесь, – произнесла я, выходя из-за зеркала. – Мне надо вам кое-что рассказать.

– Надо же, и кто бы мог подумать, что женщина в таком возрасте может быть способна на преступления, – покачала головой Елена Сергеевна, выслушав через несколько дней рассказ внука о произошедших в субботу событиях.

– Да, – произнес Кривицкий, – страсть – штука непростая. Кстати, ее настоящее имя Георгина. В семье ее, между прочим, звали Жоркой. Родители хотели мальчика, но вместо Георгия на свет появилась Георгина. Она и есть тот единственный член банды Лаврова, которому удалось сбежать. Первое время скрывалась у школьной подруги, работавшей пионервожатой в маленьком городке, потом уехала в Сибирь и прожила там несколько лет, пока не вышла замуж за довольно успешного и талантливого архитектора, которого вскоре пригласили в Москву.

– А кем ей приходился Лавров? – спросила я.

– Он был шофером у ее отца. Она ведь не из простой, из номенклатурной семьи. Детство провела за границей, знала иностранные языки. Отца, работавшего в торгпредстве, расстреляли в тридцать девятом за растрату, мать покончила с собой. Георгина после ее смерти попала в детский дом. С Лавровым они встретились в сорок втором. Ему, в отличие от шефа, повезло. Его не тронули, только уволили с работы. Лавров пригласил Георгину к себе, накормил, обогрел. За чашкой чая вспомнили прошлое. На тот момент ей едва исполнилось семнадцать. Но, несмотря на столь юный возраст, именно она подбила Лаврова заняться настоящим делом. Конечно, они не собирались грабить вечно, только пока шла война. Как вы уже знаете, Лавров был арестован и расстрелян, а вот Георгине повезло. Когда выходила первый раз замуж, заодно вместе с фамилией сменила и имя. Стала Галиной, отчество, правда, оставила. Ей посчастливилось и со вторым замужеством: едва похоронила архитектора, как вскоре познакомилась с известным ученым. Его назначили директором института и перевели сюда.

– Так вот каким образом наша камья оказалась в антикварной лавке, – сказала Елена Сергеевна.

– У нее ведь действительно какая-то маниакальная страсть к драгоценностям. Если видела какое-нибудь понравившееся ей украшение, не могла успокоиться до тех пор, пока не становилась его владелицей. Надо признать, человек она не без способностей. Умна, обаятельна и хитра. Пока была в силах, справлялась сама. Потом ей понадобилась помощь. Правда, пришлось немного подождать, пока помощник подрастет. Им оказался приемный сын ее дочери.

– А чья дочь Ольга Арнольдовна? – поинтересовалась я. – Лаврова?

– Нет, она дочь архитектора. О делах матери и ее прошлом, как утверждает, ничего не знала и даже не догадывалась. Та тщательно оградила ее ото всего этого. Оберегала. Кстати, награбленные в годы войны сокровища Георгина все эти годы хранила в старом саквояже, который они с Лавровым прихватили во время одного из налетов у какой-то вдовы. Георгина до сих пор со смехом вспоминает, как эта женщина оказала им сопротивление.

– Наверное, этот саквояж принадлежал мужу нашей соседки Ядвиги Яковлевны, – вздохнула Елена Сергеевна. – А как эта Георгина мужьям своим объясняла происхождение своего приданого?

– Первый так ничего и не узнал, – ответил Кривицкий. – Архитектор был больше занят своими проектами и в комнату жены заглядывал редко. Да и она, если что-то и надевала, то так, по мелочам. Драгоценности вышли на свет лишь при втором супруге. Ему объяснить их существование оказалось легче: достались, мол, от предыдущего спутника жизни, который происходил из дворянской семьи, сумевшей сохранить эти сокровища и после революции.

Мы ненадолго замолчали. Первой молчание нарушила Елена Сергеевна.

– И что же теперь с ней будет? – робко спросила она внука.

– Пока не знаю, – ответил он. – Сейчас идет следствие. Уж слишком это непростая история. Дело осложняется еще и тем, что свидетелей, проходивших по кражам, учиненным бандой Лаврова, в живых уже не осталось. Что же касается последних преступлений, то они были совершены руками Георгия и его подельника. Она лишь была их идейной вдохновительницей.

– Но как вы заподозрили Георгину? – задала занимавший меня вопрос я.

– Я собирался провести отпуск у моей дорогой бабули, – сказал Кривицкий и улыбнулся Елене Сергеевне. – Незадолго до моего приезда она сообщила мне сногшибательную новость по поводу обнаружения фамильной реликвии в антикварном магазине. К подобным событиям я всегда отношусь с настороженностью, ибо ничто не исчезает в никуда и не появляется из ниоткуда, так вы, кажется, однажды сказали?

Я кивнула в ответ.

– Прежде чем приехать сюда, я обратился в архив, благо это позволяет моя профессия, и внимательно изучил дело Лаврова. От хозяина магазина я узнал, что камеею для продажи принесла известный в городе акушер-гинеколог Ольга Арнольдовна и что до этого к нему в магазин частенько заходила ее мать, Галина Григорьевна, любительница старины и одна из его постоянных клиенток. Я попросил местных коллег собрать мне всю информацию об этих дамах, а заодно выяснил еще одно интересное обстоятельство: год назад у их приемного сына и внука исчезла жена, директор институтской библиотеки, причем исчезла бесследно. Данный факт не мог не насторожить меня. Я попросил понаблюдать за данным гражданином, так как по опыту работы знаю, что в исчезновении жен чаще всего виноваты их мужья. Не скрою, своими словами о том, что вы идете в гости к моим подозреваемым, вы, Алла, изрядно озадачили меня. Я намеревался сказать вам, чтобы вы были осторожны, а еще лучше – отложили свой визит, но не успел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.